

А.А. Нестеренко

**ЛЕВ ТОЛСТОЙ
И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

А.А. Нестеренко

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

*Учебное пособие к историко-литературному спецкурсу
«Творчество Л.Н. Толстого в контексте русской
и мировой литературы»*

В 2 частях

Часть 1. От античности до XIX в.

Часть 2. XIX–XX вв.

УДК 882 (075.8) + 82 (091)
ББК 83.3 (2Рос = Рус) 5-8 + 83.3(0)
Н 56

Автор: доктор филологических наук, профессор кафедры литературы УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
А.А. Нестеренко

Рецензент: кандидат филологических наук, профессор кафедры литературы УО «ВГУ им. П.М. Машерова» **В.В. Здольников**

Данное учебное пособие, состоящее из двух частей, является логическим продолжением и завершением большой темы «Лев Толстой в контексте русской и мировой литературы». Первые три части, изданные в 2001–2003 гг., посвящены оценкам, которые высказывал Л.Н. Толстой по поводу произведений русской литературы, начиная от древнерусской и заканчивая рубежом XIX и XX веков.

Последние две части составляют комментированный обзор толстовских мнений и оценок зарубежной литературы. Часть I включает главы о греческой литературе, о греческой и римской литературе эпохи Средиземноморской империи, о средних веках и эпохе Возрождения, о зарубежных авторах XVII–XVIII веков. Часть II посвящена восприятию Толстым зарубежной литературы XIX–XX веков.

УДК 882 (075.8) + 82 (091)
ББК 83.3 (2Рос = Рус) 5-8 + 83.3(0)

© А.А. Нестеренко, 2004
© УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2004

ВВЕДЕНИЕ

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Всеобъемлющий гений Толстого так или иначе вобрал в себя все достижения человеческой культуры. Всю свою долгую жизнь Толстой, владея многими языками (в том числе, например, древнегреческим), читал и перечитывал не только произведения художественной литературы разных времён и народов, но также и сочинения выдающихся мыслителей во многих областях знаний. Он хотел служить ч е л о в е ч е с т в у, служа в первую очередь своему н а р о д у, а считал необходимым постигнуть всё, до чего дошёл ч е л о в е ч е с к и й дух.

Толстой поэтому глубоко связан со всей предшествующей и современной ему мировой литературой, он чрезвычайно многим обязан ей. С другой стороны, вся мировая литература, начиная приблизительно с 70-х годов XIX столетия и вплоть до наших дней, испытывает всё нарастающее влияние со стороны Толстого. Эти его связи с мировой литературой давно уже привлекали внимание исследователей и самих писателей, но пока что недостаточно широко изучены. Больше всего сделано в отношении связей Толстого с западноевропейской литературой. Имеются некоторые достижения и по теме «Толстой и славянские литературы». Слабее всего разработана тема «Толстой и литературы народов Востока».

Ввиду изложенного, в нашем учебном пособии пришлось ограничиться более или менее подробной разработкой лишь первой из названных тем. По двум остальным дана только библиография. Хочется надеяться, однако, что историко-литературные штудии к первой теме имеют отношение ко второй и третьей темам.

Толстой с детства стал знакомиться с произведениями западноевропейских писателей, а потом, на протяжении всей своей жизни, читал и перечитывал старых мастеров, внимательно следил за новинками. В его дневниках, записных книжках и письмах сотни метких и глубоких характеристик, вызванных этим чтением. Кроме того, им написан ряд работ о западноевропейской литературе. Без преувеличения можно сказать, что это могло бы послужить темой для большого исследования. В суждениях Толстого о западноевропейских писателях сказывались его вкусы, литературно-эстетическая позиция, творческие устремления. К западноевропейской литературе интерес в России был очень велик. Со времён эпохи Петра I русский исторический процесс, не теряя своей национальной сущности,

всё более сближался с общеевропейским. Отсюда и стремление русской культуры сблизиться с культурой европейской. Ведущие страны Западной Европы были немного впереди России в смысле своего экономического и общественного развития. Поэтому русские писатели видели в литературах Западной Европы образец для себя, хотя и делали критические замечания в их адрес. Пушкин первым из русских писателей встал вровень с величайшими художниками мира. В эпоху, когда начинал свою деятельность Толстой, самобытность русской литературы была вне всякого сомнения. И, однако, даже Тургенев часто смотрел на русских писателей как на учеников по отношению к западноевропейским, подчёркивая, правда, что некоторые ученики не уступают своим учителям, а, может быть, и превосходят их. Для Толстого была исключена такая постановка вопроса. Он видит в литературе, – как в русской, так равно и в западноевропейской, – средство, при помощи которого могут быть найдены пути сближения людей. Поэтому мы и не встретимся у него даже с подобием мысли о том, что русской литературе надо идти по следу западноевропейской или что, например, Пушкину, в силу отсталости русской жизни, которую он изображал, не хватает всечеловеческого содержания. Для него каждая национальная литература, решая национальные проблемы, тем самым решает и общечеловеческие проблемы. Его высказывания о западноевропейских писателях – Шекспире, Руссо, Гёте, Стендале, Бальзаке, Диккенсе, Гюго, Мопассане, Золя и др. – характерны тем, что он стремится установить общечеловеческое содержание в их произведениях, определить особенности мастерства каждого из них. При этом основным критерием для него является, насколько тот или иной писатель реально содействует единению всех людей, отмечая всё то, что препятствует этому!

Вопрос о влиянии Толстого на западноевропейскую литературу более позднего времени для специалистов по Толстому интересен тем, в каком направлении осмысливается и преломляется наследие Толстого виднейшими западноевропейскими писателями.

Ч А С Т Ь I. ОТ АНТИЧНОСТИ ДО XIX в.

ГЛАВА 1. ТОЛСТОЙ И ГРЕЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ГОМЕР

Приехав с кавказской войны в Петербург уже известным писателем, Толстой остановился у И.С. Тургенева. Именно ему, по свидетельству А.В. Дружинина, Толстой «объявил, что удивляться Шекспиру и Г о м е р у может лишь человек, пропитанный фразой». Это первое, известное нам, упоминание Толстого о Гомере (декабрь 1856 года).

Отметим, во-первых, «мимоходность» данной оценки; во-вторых, – её «огульность»: совмещены великие творцы далекоотстоящих эпох; и, наконец, в-третьих, здесь чувствуется дистанцирование практического деятеля, воина Толстого от столичных литераторов, явно грешащих, по его мнению, фразёрством.

Но тот же Дружинин через год, в декабре 1856 года, с удовольствием сообщает Тургеневу, что «Лев Толстой, говоря без всякого пристрастия, становится превосходным литератором, умнея и образовываясь с каждым часом. Уж он понимает «Лиру» и пил за здоровье Шекспира, читает «Илиаду»...». Так сказать, происходит приобщение пропахшего порохом Толстого (на кавказской и Крымской войнах он был артиллеристом) к литературно-писательскому миру. Что ж, и это правда.

И сам Толстой в дневнике отмечает эволюцию своего восприятия Гомера в положительную сторону: «Вот оно! чудо»; «хорошо, но не более»; «прелестно»; «восхитительно»; «невообразимо прелестный конец» (ряд записей в августе 1857 года). А в ноябре того же года в письме к В.П. Боткину выражает своё несогласие с М.Е. Салтыковым-Щедриным во время разговора с последним о современной литературе: «Салтыков даже объяснил мне, что для изящной литературы теперь прошло время (и не для России теперь, а вообще), что во всей Европе Гомера и Гёте перечитывать не будут больше».

«Приобщение» к Гомеру продолжается. В марте 1861 года в ответ на неизвестное письмо Толстого Тургенев выражает радость по поводу возвращения его к искусству (после увлечения педагогической деятельностью), считая, что «специальность есть признак всякого живого организма», а специальность Толстого – «всё-таки искусство». Узнав из письма Толстого, что он полюбил «Фауста» и Гомера, Тургенев выражает надежду: «Авось, дойдёт очередь до Шекспира».

В списке книг, произведших на Толстого наибольшее впечатление в возрасте от 20 до 35 лет (1848–1863), значатся «Одиссея» и «Илиада» («читанные по-русски») – «большое».

Уже в пору написания романа-эпопеи «Война и мир» Толстой «контаминирует», объединяет произведения Гомера со своей книгой, о чём свидетельствует запись в дневнике за сентябрь 1865 года: «Есть поэзия романиста: 1) в интересе сочетания событий – Braddon, мои «Казачьи» будущие; 2) в картине нравов, построенной на историческом событии, – «Одиссея», «Илиада», «1805 год» (первоначальное название «Войны и мира». – А.Н.) и т.д.

О неизменном и углубленном интересе Толстого к творчеству Гомера говорит и такой факт. Толстой пишет А.А. Фету в декабре 1870 года, что «с утра до ночи» учится по-гречески и читает в подлиннике Ксенофонта. Он «счастлив», что «Бог наслал» на него «эту дурь». Во-первых, он «наслаждается», во-вторых, убедился, что «из всего истинно прекрасного и простого прекрасного, что произвело слово человеческое», он «до сих пор ничего не знал, как и все»; в-третьих, он теперь уже «писать дребедень многословную вроде Войны» («Войны и мира». – А.Н.) никогда не станет. Он увидел, что «Гомер только изгажен нашими взятыми с немецкого образца переводами... Все эти Фоссы и Жуковские [переводчики Гомера] поют каким-то медово-паточным, горловым подлым и подлизывающимся голосом, а тот чёрт и поёт и орёт во всю грудь». Толстой пришёл к выводу, что без знания греческого языка «нет образования».

В феврале следующего года тому же Фету Толстой пишет воодушевлённо: «Живу весь в Афинах. По ночам во сне говорю по-гречески».

И С.А. Толстая в марте 1871 года записывает в дневнике: «С декабря упорно занимается греческим языком. Просиживает дни и ночи. Видно, что ничто его в мире больше не интересует и не радует, как всякое вновь выученное греческое слово и вновь понятый оборот. Читал прежде Ксенофонта, теперь то Платона, то «Одиссею» и «Илиаду», которыми восхищается ужасно. Очень любит, когда слушаешь его известный перевод и поправляешь его, сличая с Гомером, перевод которого он находит очень хорошим и добросовестным (речь идёт о произведениях Гомера. – А.Н.)».

Интересно, как значительно повысился «рейтинг» Гомера у Толстого во втором дневниковом списке оценок творчества различных писателей (1863–1878) по сравнению с первым (1848–1863). Если в первом списке (тогда Толстой читал Гомера по-русски) была оценка «большое» (впечатление), то во втором («Одиссея» и «Илиада» прочитаны уже по-гречески) она изменилась на «очень большое».

Факт вроде бы незначительный, но характерный в смысле неизменности, долголетнего интереса Толстого к Гомеру. Мы имеем в виду коротенькую дневниковую запись шестидесятидвухлетнего великого писателя в ноябре 1890 года: «Читал вслух М.Л. Толстой и В.А. Кузминской «Одис-

сею» Гомера». И через несколько дней ещё раз читает вслух последние две песни «Одиссеи» (по воспоминаниям Г.А. Русанова).

Пронеся через десятилетия неподдельный интерес к творчеству Гомера, Толстой практически опыт чтения обобщил в теоретическом наблюдении: «Я очень люблю Гомера. Недавно читал и опять буду читать. У греков – соединение реализма с поэзией» (запись в дневнике П.А. Сергеенко в сентябре 1902 года).

Д.П. Маковицкий в августе 1905 года записывает слова Толстого: «Я любил Гомера, Ксенофонта «Анабасис» и особенно «Memorabilia» [1].

И, наконец, последнее известное нам свидетельство (Д.П. Маковицкого), подтверждающее сказанное выше, относится к январю 1907 года: «Толстой читает Гомера и находит в нём такие красоты, которых раньше не замечал».

Удивительный интерес, удивительная любознательность, удивительная пристальность!

СОФОКЛ

В отличие от Гомера, Софокл интересовал Толстого гораздо меньше.

А.В. Дружинин в декабре 1856 года сообщает И.С. Тургеневу: «Он (Толстой. – А.Н.) свирепо читает «Антигону» Софокла в переводе Водовозова и понимает её всю».

Из дневника А.С. Суворина за февраль 1896 года мы узнаем нечто о толстовском восприятии эстетики Софокла: «Он пишет о том, что считает самым важным».

И, наконец, в январе 1904 года Толстой пишет сыну Льву Львовичу в ответ на его сообщение о том, что он пишет драму: «Трудно очень написать такую драму, которая в наше время была бы то же, что были драмы Софокла, Эврипида для греков. А это-то и надо».

АРИСТОФАН

В записной книжке Толстого за февраль 1870 года в связи с чтением комедии Аристофана «Плутос» такая мысль: «Чистота греческого искусства только в скульптуре».

Можно предположить, что в творчестве «отца комедии» Толстому были чужды его резкость, гиперболическое осмысление черт реальных лиц, карикатурно-сатирические образы. В поэтике комедии Аристофана Толстому явно не нравились маски-карикатуры, «кричащие» костюмы, гиперболизация частей тела, броские неологизмы, каламбуры, комическая скороговорка. Всему этому Толстой противопоставляет древнегреческую скульптуру.

АРИСТОТЕЛЬ

Известно, что Платон был идеалистом, а Аристотель – материалистом. В связи с этим интересен такой факт из творческой и душевной биографии Толстого.

В 1875 году в семье Толстого произошли тяжёлые события. Опасно заболела его жена С.А. Толстая. 30 октября Софья Андреевна преждевременно родила девочку, которую назвали Варварой и которая умерла через час. Софья Андреевна была при смерти.

В том напряжённом душевном состоянии, в котором тогда находился Толстой, смерть девочки, опасения за жизнь жены – и наряду с этим обычное течение повседневной жизни, не желающей знать смерти, безжалостно разрушающей жизнь, – тот самый контраст, который он когда-то с таким эпическим спокойствием изображал в рассказе «Три смерти», теперь произвёл на него впечатление настоящего ужаса.

После этого Софья Андреевна болела ещё около десяти дней, и Толстой чувствовал себя очень тяжело.

Как писал Толстой Н.Н. Страхову 9 ноября 1875 года, он «никогда с такой силой не думал» о тех вопросах, которые его занимали, как в эти тяжёлые дни. Он «читал и перечитывал снова внимательно» книгу немецкого философа и психолога Вильгельма Вундта «Душа человека и животных». Впечатление, произведённое на него книгой Вундта, Толстой в том же письме к Страхову выразил словами: «Я в первый раз понял силу материальистического воззрения и два дня был совершенно материалистом (разрядка наша. – А.Н.)...».

Приведём две пометки на полях этой книги, сделанной Толстым [2].

На стр. 1 второго тома, где начинается предисловие, Толстым отмечено: «Всё по логике Аристотеля. Всё заблуждение – личность. Задача психологии только объяснить эти заблуждения». Мы видим явное уважительное отношение Толстого к логике Аристотеля.

Но чуть ниже на стр. 49: «Что такое внимание?» и далее, против определения Вундта: «Существенные элементы мышления суть: понятия, суждения и умозаключения» – вопрос Толстого: «Кто сказал?». На стр. 50: «Что такое суждение? Логика Аристотеля есть красивая игра». Здесь Толстой как бы сомневается в истинности логической теории Аристотеля, подзревая её в некоем формализме, даже эстетизме.

И вот – бесспорное доказательство горячей заинтересованности Толстого трудами Аристотеля. В дневнике за 1897 год (февраль) запись: «Читал и читаю Аристотеля об эстетике. О ч е н ь в а ж н о (разрядка наша. – А.Н.)» [3].

ГЛАВА 2. ГРЕЧЕСКАЯ И РИМСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЙ ИМПЕРИИ

СЕНЕКА

Этот политический деятель, философ («стоик») и писатель интересовал Толстого не сам по себе, а в окружении мыслителей его эпохи и эпох последующих. Так, в сентябре 1904 года Толстой пишет Г.А. Русанову, что в связи с работой над «Кругом чтения» он «всё это время» читает Марка Аврелия, Эпиктета, Ксенофонта, Сократа, книги браминской, буддийской мудрости, С е н е к у , Плутарха, Цицерона и «новых» – Монтескьё, Руссо и т.д.

В январе 1907 года читает Сенеку в переводе (Д.П. Маковицкий).

Ещё в 1886 году Толстой начал статью о верах. Его поражает, сколько на свете вер («в календарях написано: в одних – 1000 вер или исповеданий, в других – 2000»).

Набросок 1886 года о религиозных вероучениях был напечатан лишь в 1904 году В.Г. Чертковым в Англии.

Замысел 1886 года был по-иному претворён Толстым в конце жизни, когда он и его помощники составляли для издательства «Посредник» сборники изречений: «Мысли мудрых людей на каждый день» (1903), «Круг чтения» (1906), «На каждый день. Учение о жизни, изложенное в изречениях» (1909–1910), «Путь жизни» (30 выпусков, изданы в 1911 году). Туда вошли многочисленные отрывки из брахманской и буддийской литературы, из Библии, Талмуда, из книг, связанных с именами Зороастра, Конфуция и Лоадзе, Магомета, а также изречения стоиков – Эпиктета, Марка Аврелия и Сенеки.

ПЛУТАРХ

В 1870-е годы Толстой издаёт «Азбуку» и «Четыре русские книги для чтения». Большое количество сюжетов, намеченных для разработки в «Азбуке», не получило осуществления. Сохранилось пять списков намеченных, но не использованных Толстым тем рассказов для «Азбуки».

Содержание этих тем разнообразно. Среди них немало было записано тем исторического содержания, в том числе: «Солон», «Кир – воспитанье», «Скифы (из П л у т а р х а)» и т.д. Всего во всех списках намечено 173 темы, из которых было использовано не более двадцати...

В.Г. Черткову в январе 1887 года Толстой сообщил, что намерен просить «по всем писателям» «кто что даст» для народного издания в «Посреднике». Главное же – следует издать в «Посреднике» «все знаменитые сочинения немцев, французов, англичан, которые выдержали много изда-

ний», переводы Вольтера, Руссо, Бернарден де Сен-Пьера, Лессинга «Натан Мудрый», Шиллера «Разбойники», Гольдсмита «Векфильдский священник», Свифта «Гулливер», Сервантеса «Дон-Кихот», «Записки» Сильвио Пеллико, Франклина, Плутарха и «многое другое»...

В приведенном выше письме Толстого Г.А. Русанову (сентябрь 1904 года), где перечислены авторы будущего «Круга чтения», наряду с другими Толстой называет и Плутарха.

1907 год. Толстой начал (несмотря на нездоровье, повышенную температуру) с чтения Плутарха и Монтеня (дневниковая запись от 14 января).

ГЛАВА 3. СРЕДНИЕ ВЕКА И ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

«Отношения» Толстого с Данте были сложными. Проследим это.

Август 1894 года (до этого времени никаких свидетельств относительно интереса Толстого к Данте мы не имеем). На вопрос, какое впечатление производил на него Данте, Толстой ответил: «Скука страшная. Я несколько раз пытался его читать и никогда не мог окончить; читал и по-итальянски, когда учился итальянскому языку. Жаль, что некогда, хотелось бы почитать ещё...»

Февраль 1898 года. В разговоре об истинном и ложном искусстве «за борт вылетели Шекспир, Данте, Бетховен, Грибоедов как общедоступные и потому не истинные» (дневник В.Ф. Лазурского).

Март 1907 года. В письме к А. Шкарвану, отвечая на его вопрос, Толстой сообщает своё мнение о «вечных образцах поэзии» – «Божественной комедии» Данте и «Потерянном и возвращённом рае» Мильтона: «с великим трудом читал их и тотчас же мгновенно забывал всё, что читал».

Октябрь 1907 года. Посещение Толстого корреспондентом римской газеты «Italia» Уго Арлотта. Разговор о непротivлении злу злом, о литературе. О Данте (итальянском писателе!) Толстой сказал: «Я никогда не мог ничего понять в произведениях Данте, и каждый раз, когда я принимался читать, они наводили на меня непреодолимую скуку».

Можно приблизительно назвать причины неприятия Толстым творчества Данте. Во-первых, это интеллектуализм мира Данте, который Толстому казался переизбыточным. И как следствие, во-вторых, – недоступность произведений Данте широким массам, на которые в значительной степени было ориентировано творчество самого Толстого (особенно – в последнее тридцатилетие).

Справедливости ради подчеркнём, что Толстой хотел ещё и ещё раз перечитать Данте, но и это желание не было у него первостепенным...

ДЖОВАННИ БОККАЧЧО

Выше, в разделе «Данте», мы приводили слова Толстого о скучном впечатлении, которое производит на него Данте. Далее Толстой признавался: «Б о к к а ч ч о лучше; по крайней мере интересно и живо рассказано. Я читал по-французски» (1894).

В апреле 1898 года Толстой читал Боккаччо, и впечатление свёл к сокрушительному «приговору»: это «начало господского безнравственного искусства». Конечно, преодоление Боккаччо традиций куртуазной литературы на волне антиклерикальных, а то и попросту ёрнических мотивов «Декамерона» претило вкусам Толстого, исповедовавшего высоконравственный позитивный кодекс моральной чистоты и помыслов человеческих.

ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ

Мы располагаем единственной дневниковой записью об этом гуманисте эпохи Возрождения, философе, писателе (март 1884 года): Толстой читал Э р а з м а Р о т т е р д а м с к о г о и в связи с этим высказал мысли о реформации; записано: «реформация Лютера» – «торжество ограниченности и глупости». Комментарии здесь неуместны, потому что безапелляционность мнения Толстого того не требует.

Ф. РАБЛЕ

По всем признакам гуманистической направленности творчества Р а б л е Толстого должны были привлечь пафос осмеяния и высокомерных завоевателей, и тупоумных схоластов, и религиозных фанатиков (которых не любил Толстой). Могла бы привлечь и связь Рабле с народным творчеством.

Но...

Всего два факта проявленного интереса Толстого к Рабле. В октябре 1859 года – чтение Рабле (безоценочная запись в дневнике). И – в разговоре с Д.П. Маковицким (ноябрь 1906 года) – отзыв о Рабле: «скука».

Можно с вероятностью предположить, что не содержание произведений Рабле было для Толстого «скучным», а «скучной» предстала ф о р м а: гротеск Рабле, содержащий «искры весёлого карнавального огня, сжигающего старый мир» (М.М. Бахтин), был не в духе размышляющего, анализирующего, проповедующего Льва Николаевича Толстого...

М. МОНТЕНЬ

В период первого увлечения педагогической деятельностью (конец 1850-х – начало 1860-х годов) вполне естественным стал интерес к столпам западной педагогики. В июле 1860 года Толстой фиксирует в дневнике: чтение «Истории педагогики» К.-Г. Руммера; изучение педагогических

воззрений Фрэнсиса Бэкона как «основателя материализма», Лютера как «реформатора» в религии, и Монтеня, который «первый ясно выразил мысль о свободе воспитания» (что стало «коньком» в практике толстовской педагогики в яснополянской школе для крестьянских детей).

В архиве Толстого сохранились несколько набросков философского содержания, относящихся к периоду создания «Войны и мира».

Один из этих набросков первоначально был озаглавлен «Можно ли доказывать религию»; затем это заглавие было зачёркнуто, и отрывок был назван просто «О религии».

Время написания отрывка совершенно точно определяется записью дневника Толстого от 16 октября 1865 года: «Читал Гизо-Витт [4] – доказательства религии и написал первую статейку по мысли, данной мне Montaigne». Из записи дневника видно, что Толстой перечитывал в то время «Опыты» знаменитого Мишеля Монтеня, которого всегда ставил очень высоко.

Этот набросок интересен тем, что выражает скептическое отношение Толстого к религии в первой половине 1860-х годов.

Приверженцы религии, говорит Толстой, утверждают, что во все века всему человечеству представляется вопрос: «Что я? Зачем я живу? Что будет после смерти? Сам ли независимо явился я и живу или кто меня сделал и управляет мной? Случайность ли управляет событиями или есть в них мысль и власть высшая, и есть ли связь между мною и этой высшей властью, и могу ли я просить её – молиться?»

На это, говорит Толстой, можно возразить, что ссылка на всё человечество неосновательна, потому что всё человечество есть нечто «совершенно непостижимое»; что не все люди и не всегда ставили и ставят себе такие вопросы и многие, если и ставят их, то «вопросы эти успокаиваются страстью, увлечением, трудом и привычкой удалять их». Кроме того, участь и верующих, и неверующих одинакова: верующие испытывают «тёмное чувство сомнения» в своей вере, неверующие «взамен успокоительных ответов» религии обладают «гордым сознанием того, что человек сам себя не обманывает». «Религия сама по себе не есть истина, так как религий много есть, было и будет». Религия – это только «произведение человеческого ума, отвечающее на известную склонность». Всё это написано под влиянием Монтеня.

В ноябре 1873 года Толстой перечитывает Монтеня (запись в дневнике). В январе 1884 года – снова чтение Монтеня «с большим удовольствием и пользой (письма к С.А. Толстой).

В феврале 1891 года – чтение М. Монтеня и А.И. Эртеля (русского писателя, современника Толстого): «первое старо, второе – плохо». «Устарелость» Монтеня для Толстого неудивительна: к этому времени сам Толстой значительно расширил и углубил религиозно-философское учение по сравнению с опытом Монтеня.

И снова – чтение Монтеня (дневник за июнь 1891 года). То же в ноябре 1906 года, а в декабре 1906 года – чтение вслух (по Д.П. Маковицкому). Начало 1907 года, несмотря на нездоровье и повышенную температуру, отмечено чтением Плутарха и Монтеня (дневник). В конце января того же года – снова чтение Монтеня. За полгода до смерти Толстой выразил желание приобрести всех французских классиков (около 100 книжек) в издании «Bibliothèque Nationale». К этому желанию Толстого подвигнуло чтение «старинных французов: Ла-Бюэти, Монтеня, Ларошфуко.

За месяц до смерти Толстой уже в который раз читает книгу Монтеня «Essais» («Опыты»). Через несколько дней просит прислать «начатые» им: «Essais» de Montaigne; «Понятие о Боге как совершенной основе жизни» П.П. Николаева и другие...

В «Круг чтения» Толстой включил и «Опыты» Монтеня (в отрывках).

Как всегда, это грандиозное предприятие Толстой осмысливал всесторонне. Каких авторов включать в «Круг чтения»? Что взять из их творчества, а что оставить? Каковы должны быть степень доступности включённых произведений и в то же время – их художественно-эстетическое или научное достоинство?..

Толстой наметил три разряда книг, включаемых в «Круг чтения». Третий разряд, предлагаемый народному читателю, – это, по словам Толстого, «наша самая пища, но такая, которая годится нам, сытым с жиру, которая надувает нас, но не кормит, и от которой, когда мы предлагаем её народу, он тоже отворачивается».

Творцами той пищи, которая только «надувает» образованное общество, но «не кормит» его, и от которой народ отворачивается, оказывается – по Толстому – наши знаменитые писатели, которых он тут же перечисляет: Пушкин, Жуковский, Гоголь, Лермонтов, Некрасов, Тургенев, Толстой, а также историки и духовные писатели последних лет. «Мы питаемся этим, и нам кажется, что это самая настоящая пища, а он не берёт».

Чувствуя, насколько это его утверждение поразит слушателей, Толстой считает себя обязанным пояснить свою мысль. Он пишет: «В наше время мы, образованные люди, выработали (в особенности школой) искусство притворяться, что мы знаем то, чего не знаем, делать вид, что вся духовная работа человечества до нас нам известна... У нас выработалось искусство быть вполне невежественным с видом учёности».

«Если два собеседника, – продолжал Толстой, – в разговоре упоминали о Сократе, о книге Иова, об Аристотеле, об Эразме, о Монтене, о Данте, Паскале, Лессинге и продолжают говорить о них, то подразумевается, что они достаточно знают этих мыслителей. А попробуйте спросить их подробнее о мыслях тех, кого они упомянули, вы увидите, что ни тот, ни другой их не знают».

На примере долголетнего интереса Толстого к творчеству Монтеня, бесконечного штудирования его сочинений, мы с уверенностью можем сказать, что Толстой не относится к типу этих двух читателей...

Ф. БЭКОН

Конец 1850-х – начало 1860-х годов ознаменован педагогическими увлечениями Толстого. В июле 1860 года он читает «Историю педагогики» К.-Г. Руммера. Толстого особенно заинтересовали в этой книге педагогические воззрения Фрэнсиса Бэкона как «основателя материализма» (определение Руммера).

В январе 1876 года Толстой просит Н.Н. Страхова прислать сочинения Юма и Бэкона.

В начале 1907 года Толстой читает присланную автором Э. Рейхелем книгу «Schakespeare – Litteratur» [«Литература о Шекспире»], Stuttgart, 1887. В своей книге Рейхель старался доказать, что драмы, приписываемые Шекспиру, были опубликованы Бэконом, который внёс в них много искажений, делающих их антихудожественными. Нам неизвестна реакция Толстого на точку зрения Рейхеля. Бесспорно одно: Шекспир и Бэкон оба в одинаковой степени интересовали русского писателя.

В. ШЕКСПИР

С Шекспиром Толстой «встретился» ещё на Кавказе, в начале 1850-х годов.

Находясь в станице Старогладковской, он некоторое время ведёт образ жизни, которым не может оставаться довольным. «Вёл себя целую неделю так безалаберно, что мне стало очень тяжело и грустно, как всегда бывает, когда недоволен собою», – записывает он в дневник 23 июня 1852 года.

Наступило время «чистки души», как называл подобные периодически повторяющиеся душевные состояния, выведенные Толстым впоследствии в романе «Воскресение», Нехлюдов. Прочитанная им в романе Уоррена «Тяжба» фраза из пьесы Шекспира «Троил и Кресида»: «Так различные доблести распознаются в бурях несчастий» помогла Толстому привести в порядок свой внутренний мир.

По возвращении с войны Толстой посетил Петербург и многочисленных писателей. А.В. Дружинин пишет в дневнике 7 декабря 1855 года, что накануне за обедом у Некрасова «Толстой вёл себя милейшим троглодитом, башибузуком... Он не знал, например, что значит цензурный комитет..., затем объявил, что не считает себя литератором и т.д.». От Некрасова поехали к больному Тургеневу, и там Толстой «объявил, что удивляться Шекспиру и Гомеру может лишь человек, пропитанный фразой». Такое суждение о Шекспире должно было сильно задеть за живое членов редакции «Современника», преклонявшихся перед Шекспиром.

Наметившееся в это время отрицательное отношение Толстого к творчеству Шекспира станет стойким на долгие годы.

31 января 1856 года Толстой вместе с Майковым, Анненковым, Гончаровым, Фетом, Панаевым, Григоровичем слушает у Некрасова новый перевод «Короля Лира» Шекспира, сделанный Дружининым. «Вечером, – пишет в этот день в дневнике Дружинин, – я и Тургенев сидели у Толстого, вразумляя его насчёт Шекспира». 3 февраля Дружинин уже сообщает Боткину, что «Толстой покупает себе Шекспира и хочет с сим великим мужем примириться».

В конце этого же года Дружинин писал Тургеневу: «Лев Толстой, говоря без всякого пристрастия, становится превосходным литератором, умнея и образуясь с каждым часом. Уж он понимает «Лира» и пил за здоровье Шекспира, читает «Илиаду», а для того чтобы понять всё наше литературное движение, собирается перечитать все статьи Белинского...»

Возможно, что Дружинин не вполне точно передал отношение Толстого к драме Шекспира «Король Лир». По крайней мере в дневнике Толстого под 11 декабря 1856 года сказано, что чтение «Короля Лира» «мало подействовало» на него.

Первая запись о чтении Шекспира была сделана Толстым в дневнике 15 ноября 1856 года. 16 ноября он записал: «Дочёл «Генриха IV». Нет!». Лаконичность и категоричность этого отзыва указывают, по-видимому, на то, что Толстой принялся за чтение этой драмы Шекспира под влиянием уговоров приятелей (особенно Дружинина), и чтение это разочаровало его.

Но несомненно, что когда в последних числах декабря 1856 года Толстой вновь взялся за перечитывание Шекспира, отношение его к Шекспиру было иное, чем прежде. Это видно из не вошедшего до нас письма Толстого к Тургеневу от 21 декабря 1856 года, в ответ на которое Тургенев между прочим писал: «Знакомство Ваше с Шекспиром – или говоря правильнее – приближение Ваше к нему – меня радует». По контексту письма Тургенева можно допустить, что Толстой писал ему именно о «Короле Лире».

Иногда косвенным путем шекспировская тема побуждала Толстого к более широким проблемам литературы и искусства, в том числе и к собственному творчеству. Известно, что в конце 1850-х годов Толстого сближала с А.А. Фетом любовь и чуткость Фета к искусству. Однажды, после того как Фет прочёл Толстому свой перевод трагедии Шекспира «Антоний и Клеопатра», между Толстым и Фетом завязался разговор, в котором Фет «разжёг» его «к искусству» (дневник за 11 ноября 1857 года) – продолжение повести «Казаки». Конкретно: под впечатлением этого чтения у Толстого явился новый план повести – начать её «драмой» (дневник за 11 ноября 1857 года). Здесь под словом «драма» Толстой разумел не драматическую форму изложения, а драму по существу, то есть драматическое развитие действия. Затем у Толстого явилась мысль усилить драматический элемент развязки повести. 14 ноября он записывает: «*Эврика!* (курсив автора. – А.Н.) для «Казаков»: обоих убил». Это значит, что финал повести представился теперь Толстому в виде убийства двух главных героев повес-

ти: казака Кирки, бежавшего к чеченцам и затем возвратившегося в родную станицу, и офицера, полюбившего его жену. Замысел этот, однако, осуществления не получил.

Собратья по перу продолжали «обрабатывать» «строптивного» Льва Толстого к надлежащему восприятию великого Шекспира. В письме к Тургеневу 1861 года, до нас не дошедшем, Толстой повторил свою данную ранее оценку «Фауста» Гёте, чему Тургенев, разумеется, очень обрадовался. «Вот Вы и „Фауста“ полюбили, и Гомера; авось дойдёт теперь до Шекспира», – писал Тургенев Толстому в своём ответном письме от 26 марта.

Шекспир и вообще драматическое искусство будоражат Толстого.

Зимой 1869–70 года Толстой увлёкся русскими народными былинами. Изучение русских былин навело его на мысль написать роман из современной жизни и придать героям черты характеров русских богатырей. Но этот замысел не осуществился.

С.А. Толстая рассказывает в своём дневнике: «После чтения былин и сказок всё это последнее время он перечитал бездну драматических (разрядка наша. – А.Н.) произведений: и Мольера, и Шекспира (разрядка наша. – А.Н.), и Пушкина «Бориса Годунова», которого не хвалит и не любит, и сам всё собирается писать комедию».

Следующую дневниковую запись (от 15 февраля) Софья Андреевна начинает высказыванием Толстого о драме. «Вчера вечером, – пишет она, – много говорил Лёвочка о Шекспире и очень им восхищался, признаёт в нём огромный драматический талант...». К записи о Шекспире С.А. Толстая позднее сделала приписку: «Хвала Шекспиру была кратковременна, в душе он его не любит и всегда говорит: «Я это говорю потихоньку». Толстой, однако, никогда не отрицал несомненных – с его точки зрения – достоинств пьес Шекспира, указанных им даже в статье «О Шекспире и о драме» (1903–1904) с её резко отрицательной общей оценкой шекспировских пьес.

16 февраля 1870 года Толстой пишет Фету: «... я ничего не пишу, но говорить о Шекспире, о Гёте и вообще о драме очень хочется. Целую зиму нынешнюю я занят только драмой вообще и, как это всегда случается с людьми, которые до сорока лет никогда не думали о каком-нибудь предмете, не составили себе о нём никакого понятия, вдруг с сорокалетней ясностью обратят внимание на новый, ненанюханный предмет, им всегда кажется, что они видят в нём много нового».

В дневнике той поры – две записи. Первая касается трагедии вообще. Толстой говорит, что трагедия «при психологическом развитии нашего времени страшно трудна». Поэтому такие вещи, как «Ифигения» и «Эгмонт» Гёте, «Генрих IV» и «Кориолан» Шекспира, «ни читать, ни давать их нет возможности». Это, по мнению Толстого, относится и к «Борису Годунову» Пушкина, являющемуся подражанием Шекспиру и написанному непоэтическим белым стихом.

Во второй записи Толстой, признавая образцовыми произведения «Горе от ума» и «Ревизор», относит их к «самому мелкому, слабому роду» драматической литературы – сатирическому. Всё же «остальное огромное поле – не сатиры, но поэзии – ещё не тронут».

1 мая 1878 года Толстой, чтобы проверить установившееся у него мнение о Шекспире, отправился в Малый театр посмотреть постановку «Кориолана» Шекспира с участием знаменитого английского трагика Росси, но ушёл до окончания спектакля.

22 августа 1881 года Тургенев приехал в Ясную Поляну. Он продолжал внушать своему собрату по литературе всё величие Шекспира, указывая «на истинно драматические положения, в которые Шекспир ставит своих героев». «Истинно драматические положения, – так приблизительно говорил он, – возникают не тогда, когда добродетельные люди борются с злыми, как в мелодраме, или когда люди страдают от внешних бедствий... Драматические положения возникают тогда, когда страдание неизбежно вытекает из характеров людей и их страстей. В драмах Шекспира мы находим именно такие положения» (записи старших сыновей Толстого – Сергея и Ильи). Толстой молча выслушал эту «лекцию».

18 сентября 1881 года Толстой зашёл в частную гимназию Л.И. Поливанова, чтобы подать прошение о поступлении его сыновей. В кабинете директора Поливанова, кроме его самого, своего старого знакомого, бывшего учителя тульской гимназии, был Е.Л. Марков, с которым Толстой полизировал ещё в 1862 году в статье «Прогресс и определение образования», напечатанной в журнале «Ясная Поляна». Марков же в 1875 году в либеральном «Вестнике Европы» напечатал очень грубый отзыв на статью Толстого «О народном образовании». Несмотря на это, Толстой и Марков встретились как старые знакомые, и Марков сразу начал расспрашивать Толстого о его жизни и работах.

В этой беседе были затронуты и литературные проблемы. В частности, Толстой сказал:

– Художественно то, что нравится, будь то Платон, Паскаль. Вот я люблю Сервантеса, он превесёлый рассказчик, люблю Мольера за их правду... Шекспира... Впрочем, Шекспира менее. Сервантеса и Мольера более.

27 января 1884 года Толстой на короткое время уехал из Москвы в Ясную Поляну, чтобы отдохнуть от напряжённой работы, от тяжёлой семейной атмосферы и вообще утомлявшей и неприятной для него московской жизни.

Манил его к себе и новый замысел народной пьесы, которой он надеялся заняться в уединении. «Обдумываю её [пьесу], – писал он жене 30 января, – с большим удовольствием. И, как всегда, всё разрастается и, главное, углубляется и делается очень (для меня) серьёзно».

Вероятно, в связи с этим замыслом Толстой вновь перечитывает Шекспира в «прекрасном» немецком переводе, но остаётся при прежнем о нём

мнении. Он читает «Кориолана», но находит, что пьеса эта – «несомненная чепуха, которая может нравиться только актёрам»; читает «Макбета» «с большим вниманием», но находит, что трагедия эта, как и другие вещи Шекспира, – «балаганные пьесы, писанные умным и памятьливым актёром, который начитался умных книг».

«Противостояние» Шекспиру обернулось неожиданностью (для самого Толстого). Это связано с написанием им народной драмы «Власть тьмы». Пьеса эта была встречена в писательской среде единодушным одобрением. В частности, известный музыкальный и литературный критик В.В. Стасов восторженно писал Толстому о... шекспировской трагической силе пьесы: «Я вчера получил вашу драму и наконец-то, наконец-то прочёл её. Я скажу теперь только одно слово: вчерашний день был один из счастливейших и величайших в моей жизни. Ничего подобного я не читал много-много лет, с самых тех пор, когда в первый раз прочёл «Лира», «Гамлета», «Отелло» и всё подобное. Потому что вы для меня с этой драмою ни на один вершок не ниже этого человека, Шекспира. Что за правда беспредельная, что за глубина, что за сила и красота творчества! А какой язык – этому и названия нет».

В ситуациях «ответственных», что ли, Толстой был предельно объективен. Как, например, в беседе с английским журналистом Уильямом Стэдом (1888). «Когда очередь дошла до англичан, – пишет Стэд, – я, естественно, с большим нетерпением ожидал, на ком он остановит свой выбор. Шекспир был, конечно, назван первым. Толстой сказал, что большинство его пьес переведено на русский язык и некоторые из них весьма популярны.

Я спросил: какие больше всего?

Как ни удивительно, но Шекспир «помогал» Толстому и в чисто бытовых вопросах. 2 апреля 1891 года Толстой написал жене, уехавшей в Петербург, о своей жизни с детьми: «Я нынче по разным своим ходам мысли вспомнил о короле Лире и предложил им прочесть его, и сейчас станем читать».

Он думал о разделе имущества между детьми.

Осенью 1896 года в Ясной Поляне появился французский театральный деятель и драматург Люсьен Бенар. По его воспоминаниям, Толстой критиковал Шекспира за то, что он рисовал только героев.

29 ноября того же года пьеса «Власть тьмы» шла в Малом театре. Накануне вместе с женой Толстой был на генеральной репетиции. В уборной актёра А.И. Сумбатова-Южина, где оказался в антракте, Толстой «сурово» вглядывался в английскую картину, изображающую представление перед королём убийства Гонзаго в «Гамлете».

«– Какое тут злое лицо у Гамлета! – сказал он. – А ведь Гамлет действительно зол. Ему кажется, что всё мало, и всё он себя за это упрекает и всё мучается тем, что не может убить, кого решил. А сколько он людей перебил зря!..».

Сохранилось воспоминание С.Т. Семёнова о том, что зимой 1895–96 года Толстой побывал в народном театре на московской мануфактурной фабрике Прохорова. Ставили «Мещанина во дворянстве» Мольера. Толстой был в восторге. Фабрикант спросил, какие пьесы ставить для рабочих. Наряду с пьесами Шиллера, Островского и Писемского Толстой назвал «Короля Лира».

В декабре 1895 года Лев Николаевич был на ученическом вечере консерватории, беседовал с Ф.А. Страховым, который захотел узнать, по каким побуждениям Толстой ходил слушать «Короля Лира» (видимо, музыку М.А. Балакирева), и разговор зашёл о Шекспире.

«Его мнение о Шекспире, «дикое», как говорит сам Л.Н., давно интересовало меня. Он напал на «Короля Лира», находит много неестественных сцен и лиц, например, сумасшествие Эдмунда, характер Кента. Недавно перечитывал «Ромео и Юлию». Сцена с аптекарем, к которому приходит Ромео за ядом, возмутительна по неестественности. Во всём видна небрежная работа актёра, который спешит окончить пьесу, чтобы забавлять ею публику. Клоуны его возмутительны: это глумление над простым народом. В них виден автор-шут. Конечно, он умный, и многие сцены у него глубоки. Это не Шпажинский; но полной художественности у него нет; не видно, чтобы автор любил своё создание. Наконец, возмутительно его равнодушие, называемое объективностью. Отелло ли душит Дездемону или убивают подряд несколько человек – ему всё равно. Всё это для него лишь занятные картины. Мольер художественнее Шекспира, Бомарше – и подавно...»

В Москве тогда гастролировал знаменитый итальянский трагик Эрнесто Росси. Спектакли давались в театре «Эрмитаж». Н.Н. Страхову Толстой написал в середине января 1896 года: «На днях я, чтоб проверить своё суждение о Шекспире, смотрел «Короля Лира» и «Гамлета», и если во мне было хоть какое-нибудь сомнение в справедливости моего отвращения к Шекспиру, то сомнение это совсем исчезло» (!).

В 1898 году вышла в свет книга Толстого «Что такое искусство?», взбудоражившая весь художественный мир. Были сторонники, были противники толстовского понимания искусства.

Поэт старшего поколения Я.П. Полонский, консерватор и монархист, не разделяя радикальных взглядов Толстого, и теперь (как это было уже с «Царством Божиим внутри вас») намеревался выступить с резко критической статьёй. Он читал её в кругу друзей. 6 апреля М.О. Меншиков рассказывал в письме Толстому: «Своё возражение на Вашу книгу об искусстве Полонский сдал Ухтомскому; возражение такое резкое, что князь не согласился печатать, если не будут смягчены некоторые места. Полонский согласился смягчить». 7 апреля 1898 года обеспокоенный, главное, тем, что человек, которого он полюбил с тех пор, как узнал (познакомился в декабре 1856 года в Петербурге и встречался в 1857 году в Баден-Бадене), продолжал любить всегда, испытывает к нему недобрые чувства, Толстой

написал: «Очевидно, что тут есть какое-то недоразумение, и я очень желал бы, чтобы оно разрушилось. Пожалуйста, простите меня, если считаете, что я в чём-нибудь виноват перед вами, и не будьте дурно расположены ко мне. Мне и всегда было мучительно больно чувствовать и знать, что я виновник вызванного моими слабостями дурного чувства, а теперь, когда всякий день по несколько раз думаю и готовлюсь к смерти, это для меня особенно мучительно. «Миллионы братьев наших, хотя отживших, но всё же братьев, поклонялись и Рафаэлю и Данту, славили гений Шекспира, сливались во едино душой и сердцем, внимая Бетховену, изучали Канта и двигали вперёд науку, естествознание... Словом, были лучшими двигателями человечества, как в умственном, так и в нравственном отношении. И что же, Вы единственный, который осудили их всех как людей, пребывающих во лжи, — неужели это любовь?» (14 апреля). «В Вашей статье об искусстве страницы о Вагнере так хороши и правдивы, что я не могу им вполне не сочувствовать, но Ваше заключение, где говорите Вы о науке, проникнутой христианским чувством или, как Вы говорите, сознанием, непонятно мне».

19 мая Полонский опубликовал смягчённый вариант статьи, под заглавием «Навеянное», в «С.-Петербургских ведомостях». Толстой, по всей видимости, её не читал; 20 мая благодарил за добрые письма: «Вы, верно, знаете, какое преобладающее перед всем другим значение приобретает в старости доброта. Я и всегда особенно ценил легенду об Иоанне Богослове, под старость говорившем только: братья, любите друг друга; а теперь особенно умиляюсь перед нею. Я тоже чувствую, и очень, её приближение, и мне кажется, что то ослабление жизнедеятельности, которое мы чувствуем здесь, не есть уменьшение жизни, а только начинающийся уже переход в ту жизнь, который мы ещё не сознаём. Когда же мы умрём, мы вдруг сознаем её».

Полонскому до этого «сознания» оставалось совсем недолго: он умер в Петербурге 18 октября 1898 года.

Шекспир, несмотря на неприятие его Толстым, то и дело «врывался» в повседневную жизнь Толстых. Две дочери старшего брата Л.Н. Сергея Николаевича — Варя и Вера — не без влияния Льва Николаевича поступили противу аристократических правил: не спросясь отца, Варя полюбила пиროговского крестьянина В.Н. Васильева и уехала с ним из дома, нанеся родительскому чувству и аристократической гордости отца страшный удар; старшая дочь Сергея Николаевича Вера сошлась с башкирцем Абдерашидом Сафаровым (находившимся в имении для изготовления кумыса) и тоже уехала, и хотя вернулась с новорождённым сыном домой, доставляла горькие страдания отцу.

Толстой чувствовал себя невольным виновником перед братом, уговаривал Веру не покидать дом, оборвав своё странное увлечение. На эту ситуацию проливает свет «Автобиография» самой младшей дочери Сергея Николаевича Марии (вышедшей в мае 1899 года за небогатого владельца

имения Дубки), в которой она рассказывала: «Вера и Варвара под влиянием Л.Н. Толстого с 1885 года резко переменили свою жизнь: перестали нарядно одеваться, старались отдаляться от веселья и легкомысленной праздной жизни. Стали изучать медицину, чтобы быть в состоянии приносить пользу больным в деревнях, где было очень мало медицинской помощи. Учили крестьянских ребят грамоте. Завели для них хорошую библиотеку. Ставили с ними спектакли – «Первый винокур» Толстого и другие пьесы. К нам приезжал Лев Николаевич и очень интересовался школой...»

В архиве Н.Н. Гусева сохранилась рукописная и машинописная копии письма Толстого от 12 июля 1899 года, обращённого к Вере: «Ты поступаешь ужасно, уезжая в Самару (с Абдерашидом Сафаровым) и доставляя такие страшные страдания своему отцу. А доставлять страдания другому – нельзя без того, чтобы не заставлять страдать себя. И ты страшно заставишь страдать себя, только твои страдания будут после, и его страдания теперь, перед его смертью. Это ужасно... Верочка, голубушка, ради всего святого опомнись, вникни в то, что я пишу кровью сердца».

Не приходится сомневаться, что в связи с этими событиями Толстой вспоминал свою незаконченную драму «И свет во тьме светит». И достоверно известно – пьесу Шекспира: «Ты, кажется несёшь своё Лирство (Король Лир) мужественно. Помогай тебе Бог» (письмо к Сергею Николаевичу). И далее – завидовал одиночеству брата: «Лучше одиночество («Лирство». – *А.Н.*), чем недостойная и унижительная суета, в которой я должен быть, если не огорчать и раздражать, что особенно больно перед концом» [5].

Лучшие умы России, не смущаясь субъективного отношения Толстого к Шекспиру, ставили эти имена рядом. Так, после выхода в свет романа Толстого «Воскресение» В.В. Стасов написал Толстому: «И вот на таких-то созданиях кончается XIX век и наступает XX-й. Нет, Лев Николаевич, вы там как хотите и как сами знаете со своими любвями и антипатиями, а у меня тоже и *свои* (курсив автора. – *А.Н.*), и на них я имею своё право. И в силу такого-то права объявляю, как муэдзин с минарета: «Нет Бога кроме Бога. Но тоже нет, сквозь все столетия, ни единого человека после Шекспира, кроме русского нашего нынешнего Льва».

Стасов в письме к О.И. Оптовцевой (январь 1900) рассказывал о встречах с Толстым и снова – о «Воскресении»: «Ещё раз повторяю: для меня это одна из гениальнейших книг, какие только существуют на свете, а сам Лев Толстой для меня выше не только всех наших Пушкиных, Лермонтовых, Гоголей, Достоевских и других (не говоря уже о Тургеневе, который для меня очень талантлив, но слаб и довольно бессодержателен), но и во всемирной литературе может равняться только с Шекспиром, а в русской литературе имеет достойными товарищами лишь *Герцена и Грибоедова* (курсив автора. – *А.Н.*). Таков мой символ веры».

П.П. Гнедич записал в январе 1900 года следующий рассказ Чехова об отношении Толстого к его пьесам: «Вы знаете, он не любит моих пьес,

уверяет, что я не драматург! Только одно утешение у меня и есть, – прибавляет он, – он мне раз сказал: «Вы знаете, я терпеть не могу Шекспира, но ваши пьесы ещё хуже. Шекспир всё-таки хватает читателя за шиворот и ведёт его к известной цели, не позволяя свернуть в сторону. А куда с вашими героями дойдёшь? С дивана, где они лежат, до чулана и обратно».

Это рассуждение доказывает, что субъективное отношение его к Шекспиру включало и момент объективный, когда давалась сравнительная оценка творчества великого драматурга.

А.Б. Гольденвейзер записывает в дневник в апреле того же года: «Как-то говорили о Шекспире... Л.Н. сказал: «Шекспира и Гёте я три раза в жизни проштудировал от начала до конца и никогда не мог понять, в чём их прелесть».

Ну, что ж – стойкое читательское восприятие. Тут Лев Николаевич неподсуден...

Сходное умозаключение Толстого, и тоже отмеченное А.Б. Гольденвейзером (в июле 1902 года): «Я очень люблю Чехова и ценю его писания, но его «Три сестры» я не мог заставить себя прочитать. К чему всё это? Вообще у современных писателей утрачено представление о том, что такое драма... Вот я себе позволял порицать Шекспира. Но ведь у него всякий человек действует, и всегда ясно, почему он поступает именно так».

А в сентябре 1903 года Толстой работает над статьёй о Шекспире как предисловием к статье Э. Кросби «Shakespeare and the working class» («Шекспир и рабочий класс») [6]. Тогда же В.В. Стасов уведомляет Толстого о посылке ему в числе прочих книг: «Североамериканского издания Шекспира», «Variorum» Фернеса, томы: «Отелло» и «Лир» – 2 тома и Макса Нордау I том «Französische Zeitmässigkeiten», где в статье о «Дон-Карлосе» Шиллера речь идёт о Шекспире в отрицательном смысле».

Примерно через месяц Толстой сообщает В.Г. Черткову: «Занят теперь очень неожиданной работой, которая вот уже скоро месяц отвлекает меня от моих более нужных работ. Это – начатое мною предисловие к статье Crosby об отношении Шекспира к рабочему народу, которое переросло статью Crosby и стоило мне большого труда. Надеюсь, что я кончу её дня через два. Мне хотелось высказать моё много раз и очень добросовестное впечатление о Шекспире, совершенно противоположное установившемуся».

Через два дня после этого в ответ на письмо В.В. Стасова от 23 сентября 1903 года, советовавшего прочесть статью Г. Брандеса, который «очень подробно и многосторонне рассматривает всё, что писано было до сих пор *за и против* (курсив автора. – А.Н.) Шекспира насчёт его «антидемократизма» и «малого уважения народа», Толстой сообщает, что в статье о Шекспире ему нужно было высказать то, что сидело в нём «полстолетия»: «Дело не в аристократизме Шекспира, а в извращении, посредством восхваления нехудожественных произведений, эстетического вкуса». В письме к брату Толстой пишет, что в статье о Шекспире он хочет доказать,

что Шекспир «не только не великий писатель, но страшная фальшь и гадость».

Эта работа сильно увлекла Толстого. В том же октябре он читал вслух написанное А.С. Бутурлину и Д.В. Никитину, в ноябре продолжает работать над «шекспировской» статьёй, оставив запись в дневнике: «Всё время был занят Шекспиром, который всё разрастался, кажется пришёл к концу».

В.Г. Черткову пишет: «Продолжительная моя работа над статьёй о Шекспире надоела, особенно вследствие сомнений о её полезности. Даже нет сомнения, что мне есть гораздо более нужные дела».

В декабре 1903 года запись в дневнике: «Всё вожусь с Шекспиром и решил перестать писать его по утрам, а начать новое – или драму, или о религии, или кончить Купон (повесть «Фальшивый купон». – А.Н.)».

Наконец, 18 декабря 1903 года сообщает В.Г. Черткову: «Шекспира кончил...».

Через месяц, 17 января 1904 года, Толстой делает последние поправки в статье о Шекспире, получившей название «О Шекспире и о драме».

Статья эта принесла её автору славу «ниспровергателя» творчества великого английского драматурга. Действительно, весь пафос этого критического очерка направлен на развенчание Шекспира.

В 1908 году Толстой напишет о том, что его критическая статья о Шекспире никого не убедит. «Мне, – указывал он, – только хотелось заявить, что я не подчиняюсь общему гипнозу».

Но даже и в острополюемической статье Толстой не мог не сказать о несомненных достоинствах шекспировской драматургии. Так, например, он пишет о замечательном «умении Шекспира вести сцены, в которых выражается движение чувств». Он высоко оценивает необыкновенную сценичность пьес Шекспира, их подлинную театральность.

«Отрицание» Шекспира нельзя не признать одним из сильнейших заблуждений Толстого. Откуда оно возникло? Мемуаристы склонны объяснить его появление характерным для Толстого «противлением» всему, что общепринято. Но дело, разумеется, не только в нежелании Толстого подчиняться, по его выражению, «общему гипнозу» и признать значение шекспировского наследия. Толстой отрицал пьесы Шекспира, во-первых, за отсутствие в них «религиозных основ» и, во-вторых, за их «аристократизм»: Толстому казалось, что Шекспир прославляет королей, принцев и принижает простой народ.

Осудив этические основы творчества Шекспира, Толстой подверг критике и его эстетический авторитет.

Немногие из западноевропейских и в особенности английских писателей правильно поняли, в чём состоял главный пафос толстовской статьи-книги «О Шекспире и о драме». К числу этих немногих принадлежал выдающийся английский драматург и публицист Б. Шоу. Назвав статью «великой толстовской ересью», Шоу сумел увидеть в ней не только заблужде-

ния Толстого, но и справедливые требования, обращённые к современной драматургии, к современному искусству.

В августе 1904 года в «Русских ведомостях» появилось обширное интервью, данное Толстым немецкому журналисту Гуго Ганцу, посетившему его в январе 1904 года. Разговор о философии и литературе. Толстой «восхищается» Кантом и Лихтенбергом; Ницше называет ловким фельетонистом, который не может «стоять рядом с великими мыслителями и учителями человечества». У Гёте Толстой особенно ценит «Германа и Доротею», но лирические стихотворения Гейне произвели на него большее впечатление, чем стихотворения Гёте, который «занимается только эстетической игрой». Любовь к человечеству Толстой в гораздо большей степени находит у Шиллера. Он полагает, что «нельзя сделаться великим писателем, если не писать кровью сердца». О Шекспире Толстой высказался отрицательно; славу его он приписывает только гипнозу массового внушения.

Д.П. Маковицкий летом 1905 года отмечает в своих «Яснополянских записках», со слов Л.Н. Толстого: «Диккенс неподражаем для нашего брата. У него всегда образность, юмор... «Давид Копперфильд» – отделано; «Bleck – house» («Холодный дом») – набросано. «Bleck – house» – одно из лучших против суда... У Диккенса герои – бедовые, забытые; лордов презирает. У Шекспира наоборот: дюки важны, мужик clown».

В июле 1905 года Толстой извещает В.Г. Черткова о своём решении напечатать статью о Шекспире в виде предисловия к статье Э. Кросби «Отношение Шекспира к рабочему народу». Тогда же он пишет Э. Кросби: «Преступления и жестокости, совершаемые в России, ужасны, но я твёрдо убеждён, что эта революция будет иметь для человечества более значительные и благотворные результаты, чем Великая французская революция» (перевод с английского).

8 октября 1905 года В.Г. Чертков пересылает Толстому письмо Б. Шоу от 2 августа, написанное им Черткову в связи с изложением Чертковым в письме к Шоу содержания статьи Толстого «О Шекспире и о драме».

В ноябре 1905 года Толстого посетили Л.А. Солержицкий и В.Э. Мейерхольд. Шёл разговор о театре и о пьесах. Слова Толстого: «Средние драмы Потехина лучше Чехова, Горького и других... Метерлинк, Ибсен, даже Бьёрнсон – одна неясность, путаница, бесцельная игра на чувствах... В «Чести» Зудермана – нравственность буржуазной семьи... В «Ткачах» Гауптмана есть что-то... другие его пьесы – путаница, плохие... Даже Шекспир выше современных драм. Даже Шекспир, которого я смолodu не любил, спорил о нём с Тургеневым. Он презирает мужиков, носителями добродетелей у него являются gentlemen, герцоги. «Короля Лира» он испортил. Я читал старую драму Короля Лира. Там рассказывается, как он поехал во Францию к дочери, и она его не узнала – трогательная сцена». (Д.П. Маковицкий).

По получении от Черткова при письме от 21 ноября копий писем Б. Шоу, Толстой пишет ему: «Шекспира мне не присылайте, а печатайте, как он есть. Если есть те blunders [промахи], о которых говорит Шоу, исправьте их сами».

В феврале 1906 года в Ясную Поляну приехали С.И. Танеев и А.Б. Гольденвейзер. Играли на двух фортепьяно. Толстому понравилась симфония А.С. Аренского («удивительно цельное») и его же «Polichinelle» и «Coquette». Про увертюру Ф. Мендельсона к «Midsummer night» Шекспира Толстой сказал: «Это не так хорошо».

В начале 1907 года Толстой читает №12 парижского журнала «Les Lettres» за 1906 год с отзывами двадцати французских писателей о статье Толстого о Шекспире.

Тогда же он «огорчился», прочитав в №18 «Русских ведомостей» за 24 января заметку «Шекспир, Толстой и Метерлинк». В заметке были изложены полемические суждения Метерлинка относительно последних сочинений Толстого, в том числе относительно статьи «О Шекспире и о драме».

В феврале 1907 года закончено письмо к Э. Рейхелю о его книге «Schakespeare – Litteratur» («Литература о Шекспире»). Толстой находит его доводы в пользу того, что «драмы, приписываемые Шекспиру, написаны не им», «очень убедительными», но считает себя мало компетентным для того, чтобы высказать окончательное суждение по этому вопросу. Повторяя высказанное им в статье «О Шекспире и о драме» мнение, что драмы Шекспира, «не исключая из них «Гамлета» и др., не только не заслуживают того восхваления, с которым привыкли судить о них, но в художественном отношении ниже всякой критики», Толстой выражает несогласие «в признании достоинств тех некоторых драм», которые Рейхель выделяет «из всех остальных».

В том же месяце 1907 года Толстой читает в парижском журнале «Les Lettres» (1907–1908, premier semester) мнения французских писателей о своей статье о Шекспире (дневниковая запись от 17 февраля)...

Так закончилось полустолетнее противостояние одного гения другому. В этом противостоянии нет сенсации, а есть искреннее, заинтересованное отношение великого русского писателя, мыслителя к творчеству великого английского драматурга эпохи Возрождения.

М. СЕРВАНТЕС де СААВЕДРА

Первое упоминание в дневнике Толстого отмечено в ноябре 1857 года: «Чтение «Дон-Кихота» С е р в а н т е с а».

В мае 1866 года сообщает Фету, что перечитывает «Дон-Кихота».

В 1881 году (январь) в беседе с педагогом Е.Л. Марковым признался: «Художественно то, что нравится, будь то Платон, Паскаль. Вот я люблю

Сервантеса, он превесёлый рассказчик, люблю Мольера за их правду... Шекспира... Впрочем, Шекспира менее, Сервантеса и Мольера более».

В начале 1884 года Толстой отправляет большое письмо профессору А.Н. Пыпину с общей характеристикой литературной деятельности И.С. Тургенева. В частности, подчёркиваются «три фазиса» в творчестве Тургенева: 1) «вера в красоту (женскую любовь – искусство)»; 2) «сомнение в этом и сомнение во всём»; и 3) «не сформулированная, как будто нарочно, из боязни захватить её..., не формулированная, двигавшая им и в жизни, и в писаниях вера в добро – любовь и самовыражение, выраженная всеми его типами самоотверженных, и ярче и прелестнее всего в «Дон-Кихоте» [статья Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот»], где парадоксальность и особенность формы освобождала его от его стыдливости перед ролью проповедника добра».

В большом списке «знаменитых сочинений немцев, французов, англичан», предполагаемых к опубликованию в издательстве «Посредник», значился и «Дон-Кихот» Сервантеса (1887).

К 1890 году относится первое письмо к Толстому его будущих близких друзей – словаков Душана Маковицкого и Альберта Шкарвана. Письмо не сохранилось; надо полагать, оно было отправлено в марте 1890 года, когда Д. Маковицкий напечатал в газете «Slovensky zabavnik» свою корреспонденцию из Москвы, где, в частности, сообщал о состоявшейся 22 марта в Историческом музее лекции профессора Н.А. Зверева о Толстом-художнике: «Он отнёс его к категории таких писателей, как Шекспир и Гёте, рисующих общее душевное состояние, а не таких, как Гоголь, Сервантес и Диккенс, создающих типы».

ГЛАВА 4. ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА XVII–XVIII веков В ВОСПРИЯТИИ ТОЛСТОГО

Н. БУАЛО

Образованность Толстого была беспредельной. Из прочитанного автора он порой на всю жизнь впитывал какую-то одну очень важную мысль и в нужный момент использовал её. Например, в ответ на вопрос И.И. Горбунова-Посадова (1887) «о значении стихотворной поэзии», Толстой пишет своему биографу П.И. Бирюкову: «Ещё Буало (разрядка наша. – А.Н.) сказал, чтоб мысль не калечилась рифмой [7]. Если может поэт так сказать стихами, что б мы и не заметили, что это стихи, – хорошо, а без этого лучше говорить, писать, как вижу, чувствую, не стихами, а потом пришло бы место, где моя мысль потребовала бы больше сжатости, силы, законченности, и вышли бы стихи; может быть, так и кончилось бы стихами, а может быть, несколько строф, а потом опять проза».

П. КОРНЕЛЬ и Ж. РАСИН

Запись в дневнике за февраль 1896 года: чтение Расина и Корнеля – «поучительно»; «очень интересные это чтение вызвало мысли».

Ж.-Б. МОЛЬЕР

Первая запись в дневнике относится к июлю 1856 года: Толстой слушает (в чьем-то чтении) «прелестную комедию Мольера «Les femmes savants» («Учёные женщины»).

В октябре того же года – снова дневниковая запись: «Читал „Мещанина во дворянстве“ Мольера». Толстой «много думал о комедии из «Оленькиной жизни» (Ольги Вл. Арсеньевой, сестры Валерии Вл. Арсеньевой, в которую он был влюблён). Очевидно, имеется в виду комедия «Дядюшкино благословение».

Как видим, первые впечатления от произведений Мольера – благоприятные. Вот ещё факт. В «Theatre Francais» Толстой смотрит комедии Мариво «Мнимое признание» («прелесть элегантности») и Мольера «Мнимый больной» («сыграно прелестно»). Это февраль 1857 года. В те же дни в том же театре смотрит комедии Мольера «Смешные жеманницы» и «Скупой» – «отлично».

Спустя много лет, осенью 1864 года, сам хозяин дома Толстых вслух читает Мольера, интерес к которому не исчезает. Зимой 1870 года (январь-февраль) – чтение Мольера, Шекспира, Гёте, Пушкина.

В ноябре 1895 года Толстой побывал в народном театре на фабрике Прохорова в Москве, где давали «Мещанина во дворянстве» Мольера. Толстой был в восторге от пьесы: «Какой юмор и какая художественная правда! Превосходны эти классики» (по свидетельству С.Т. Семёнова в статье «Л.Н. Толстой и просвещение народа» – «Народный журнал», 1912, № 2, с. 9–10).

И как приговор – в разговоре с В.Ф. Лазурским: «Мольер художественнее Шекспира, Бомарше – и подавно. У Мольера, правда, нет такого разнообразия, и глубины содержания, но зато всякая вещь хорошо отделана, художественна».

Оценки устойчивы. Весной 1907 года в разговоре с Д.П. Маковицким Толстой так отзывался о Мольере: «Мольер, что бы он ни писал, – талант, настоящий талант».

И летом 1909 года в разговоре с тем же Д.П. Маковицким на вопрос, что ему нравится из драматических произведений, Толстой ответил: «Мольера люблю, «Горе от ума» люблю».

Б. ПАСКАЛЬ

Толстой пишет восторженно своей тётушке А.А. Толстой (март 1876 год): «Читали ли вы жизнь Паскаля – его «Pensees [«Мысли»]? Какая чудесная книга и жизнь! Я не знаю лучше жития».

Первая мысль о составлении «Круга чтения» отмечена в марте 1884 года. Запись в дневнике: «Надо себе составить „Круг чтения“: Эпиктет, Марк Аврелий, Лао-Тсе, Будда, Паскаль, Евангелие. Это и всех бы нужно».

Примерно через четыре года, в феврале 1888 года, в письме к Г.А. Русанову Толстой говорит, что он «давно уже понял», что нужен особый «круг чтения», в который бы вошли мысли Конфуция, Лао-Тсе, Паскаля, Паркера, М. Арнольда и многих других мыслителей».

Январь 1889 года. Толстой пишет В.Г. Черткову: «Паскаля я читаю и радуюсь. Как хорошо!» [8].

В октябре 1891 года в письме к М.М. Ледерле, журналисту и издателю, Толстой перечислил книги, произведшие на него за всю его жизнь (Толстому тогда было 63 года) наибольшее впечатление. В числе этих книг были Pascal. Pensees [Паскаль. Мысли].

А в 1904 году (декабрь) Толстой переводит для «Круга чтения» Паскаля. Какая стойкая последовательность!

В феврале 1905 года он работает над статьями («Паскаль» и «Ламенэ» для «Круга чтения».

И уже после этого – в феврале 1907 года – Толстой читает вслух «Pensees» («Мысли») Паскаля.

В мае того же года в дневнике записано «дело» – составить для «Детского круга чтения» жизнеописание Эпиктета, Сократа, Паскаля, Руссо, Будды, Конфуция [9].

И в год смерти – в феврале 1910 года – в разговоре с Д.П. Маковицким о философах: «Канта уж как ценю, но он тяжёл. А Руссо и особенно Паскаль – это такой блеск, ясность, красота изложения».

И за четыре месяца до смерти запись в дневнике: «Читаю «чудного» Паскаля («Мысли»).

Редкое постоянство привязанности...

Ф. ЛАРОШФУКО

В записной книжке Толстого зафиксировано: «Написано предисловие к «Избранным мыслям» Лабрюйера, Ларошфуко (разрядка наша – А.Н.), Вовенарга и Монтескьё (изд. «Посредника») – февраль 1907 года.

В марте того же года – вторая редакция предисловия к «Избранным мыслям» Лабрюйера, Ларошфуко, Вовенарга и Монтескьё.

После исправленных и дополненных Толстым корректур сделанного Г.А. Русановым перевода «Избранных мыслей» Лабрюйера, Ларошфуко,

Вовенарга и Монтескьё – отправка И.И. Горбунову-Пасадову с написанным Толстым предисловием ко всей книге и краткими биографическими очерками этих авторов.

И вот, наконец, 18 декабря 1907 года вышла долгожданная книга: «Избранные мысли Лабрюйера, с прибавлением избранных афоризмов, максим Ларошфуко, Вовенарго и Монтескьё». Перев. с немец. Г.А. Русанова и Л.Н. Толстого, изд. «Посредника». – М., 1908.

За полгода до смерти Лев Николаевич читает «старинных французов»: Ла-Бюэти, Монтеня, Ларошфуко в изд. «Bibliothèque Nationale». Он выразил желание приобрести всех французских классиков (около 100 книжек) в этом издании.

Д. ДЕФО

В марте 1862 года получено цензурное разрешение февральской «Книжки для взрослых» «Ясная Поляна». В книжке был напечатан краткий пересказ «Робинзона Крузо» Д. Дефо и сказка «Дуняшка и сорок разбойников». Записаны яснополянскими учителями по пересказам школьников и проредактированы Толстым.

П.А. Плетнёв в письме к Толстому передаёт отзыв своего восьмилетнего сына о переделке «Робинзона Крузо», помещённой в «Книжках» «Ясной Поляны»: мальчик перечитал все существующие на русском языке пересказы «Робинзона» и помещённый в «Книжках» «Ясной Поляны» находит лучшим.

Через два месяца Толстой пишет П.А. Плетнёву в ответ на его письмо от 20 марта 1862 года с отзывом его и его сына о переделке «Робинзона Крузо», напечатанной в «Книжках» «Ясной Поляны»: «Робинзона вы похвалили самым лестным для меня образом».

24 февраля 1906 года в дневнике Д.П. Маковицкого записаны слова Толстого: «Я всё хотел написать... русского Робинзона: такую описать общину, которая бы переезжала из Тамбовской губернии через степи к границам Китая. Охарактеризовать её выдающихся членов. Это было бы интересно для детей, чтобы они знали происхождение каждой вещи, которой они пользуются». «Лучшей книгой для детей» Толстой называет именно «Робинзона Крузо» Д. Дефо.

Д. СВИФТ

В начале 1887 года в письме к В.Г. Черткову Толстой сообщает о своём намерении «просить» «по всем писателям» (в том числе у Григоровича и Потехина), «кто что даёт» для народного издания в «Посреднике» «все знаменитые сочинения немцев, французов, англичан, которые выдержали много изданий» и переводов: Вольтера, Руссо, Бернарден де Сен-Пьера,

Лессинга «Натан Мудрый», Шиллера «Разбойники», Гольдсмита «Векфильдский священник», Свифта «Гулливер», Сервантеса «Дон-Кихот», записки Сильвио Пеллико, Франклина, Плутарха «и многое другое».

Через 10 лет, в ноябре 1897 года, в дневнике Толстой записывает: «Шёл по деревне, заглядывал в окна. Везде бедность и невежество, и думал о рабстве прежнем. Прежде видна была причина, видна была цепь, которая привязывала, а теперь не цепь, а в Европе волосы, но их так же много, как и тех, которыми связали Гулливера. У нас ещё видны верёвки, ну, бечёвки, а там волосы, но держат так, что великану народу двинуться нельзя. Одно спасенье: не ложиться, не засыпать. Обман так силен и так ловок, что часто видишь, как те самые, которых высасывают и губят, с страстью защищают этих высасывателей и набрасываются на тех, кто против них. У нас царь».

Л. СТЕРН

По позднейшему воспоминанию Толстого в числе книг, произведших на него сильное впечатление от 14 до 20 лет значится «Сентиментальное путешествие» С т е р н а – «очень большое».

Летом 1851 года занимается переводом «Сентиментального путешествия». Зимой 1852 года (февраль) – то же самое. И, наконец, в апреле переведена одна глава «Сентиментального путешествия» Стерна.

Представим себе: спустя почти 60 лет Толстой перечитывает по-английски «The Sentimental Journey» («Сентиментальное путешествие») Стерна. Через два месяца (декабрь 1909 года) – снова перечитывание Стерна: «напоминает юность и художественные требования». Толстой вышел в столовую с «Сентиментальными путешествиями» Стерна в руках и дал прочесть вслух из него одно место, сказав: «Я, когда мне было пятнадцать лет, переводил это. Удивительно, до чего это смешно». Толстой просил принести из библиотеки также «Тристама Шенди» Стерна, но его в библиотеке не оказалось» («Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого).

Ф.-М. ВОЛЬТЕР

В январе 1887 года в письме к В.Г. Черткову, цитированном ранее на страницах данного пособия, в списке предполагаемых авторов в издательстве «Посредник» значится и В о л ь т е р.

В феврале 1889 года – чтение Вольтера (запись в дневнике).

Летом 1894 года, по свидетельству В.Ф. Лазурского, Толстой говорил об иностранных писателях: «А. Дюма – «очень талантлив, как и сын». «Я помню, когда был семнадцати лет, ехал в Казанский университет, купил на дорогу восемь томов «Монте-Кристо». До того интересно, что не заме-

тил, как дорога окончилась»... Сказки Вольтера – скучны. Руссо – могу перечитывать».

В сентябре 1904 года Толстой пишет Г.А. Русанову, что в связи с работой над «Кругом чтения» он «всё это время» читает Марка Аврелия, Эпиктета, Ксенофонта, Сократа, книги брамской, китайской, буддийской мудрости, Сенеку, Плутарха, Цицерона и «новых» – Монтескьё, Руссо, Вольтера, Лессинга, Канта, Лихтенберга, Шопенгауэра, Эмерсона, Чаннинга, Паркера, Рескина Амелия и др.

В феврале 1910 года Толстой пишет письмо к И.Д. Гальперину-Каминскому в связи с чтением присланных им статей о пьесе П. Бурже «La Barricade»: «Особенно удивительно для меня... то, что эти люди, как г. Бурже и другие во Франции в 1910 году, после Вольтера, Руссо и др., могут серьёзно говорить про католицизм. Ничто яснее этого не показывает тот ужасный, в смысле не ума, а разума, и не блеска, а нравственности, упадок, в котором находятся эти люди... Католицизм – пускай мы знаем, что это – грубый, бессмысленный, одуряющий народ, давно развенчанный обман, но он годен для нашей цели, давай его сюда».

Д. ДИДРО

Знаменательна запись в дневнике февраля 1891 года, в период наиболее стойкого противостояния Толстого режиму: «Вчера прочёл место Дидро о том, что люди будут счастливы только тогда, когда у них не будет царей, начальников, законов, моего и твоего».

Через месяц Толстой читает Дидро – «много хорошего», «прекрасно».

Чуть позже, в этот же месяц запись в дневнике: «Вчера читал Diderot о науках, о математике и естественных, физических, как он называет, науках, и о пределах их, определяемых только полезностью, – прекрасно». Прочитанное «поразило» Толстого «правдой и новизной».

Ж.-Ж. РУССО

В молодости Толстой зачитывался сочинениями Руссо. В 1901 году он рассказывал парижскому профессору Полю Буайе: «Я прочёл всего Руссо, все двадцать томов, включая «Музыкальный словарь». Я более чем восхищался им, я боготворил его. В пятнадцать лет я носил на шее медальон с его портретом вместо натального крестика. Многие страницы его так близки мне, что мне кажется, я сам написал их».

Это признание обо многом говорит.

Весной 1847 года (Толстому 19 лет) – читает Руссо с комментариями (журнал ежедневных занятий).

Очевидно, тогда были начаты окончательные «Философские замечания на речи Ж.-Ж. Руссо «Рассуждения о том, содействовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов» [10].

По позднейшему воспоминанию Толстого следующие книги произвели на него сильное впечатление в возрасте от 14 до 20 лет: наряду с Евангелием Матфея (Нагорная проповедь), с «Сентиментальным путешествием» Стерна и др. – значатся сочинения Руссо – «Исповедь» («огромное»), «Эмиль» («огромное»), «Новая Элоиза» («оч. большое»).

В июне 1852 года Толстой читает «Исповедь савойского викария» (IV книга «Эмиля» Руссо).

В это же время он в письме к Т.А. Ергольской просит прислать первый том «Новой Элоизы» Руссо.

Далее – запись в дневнике: «начал читать Confessions [«Исповедь» Руссо], которые, к несчастью, не могу не критиковать». Далее – чтение «Исповеди савойского викария» (IV книга «Эмиля» Руссо).

Следующий день – продолжение чтения «Исповеди савойского викария». «Она наполнена противоречиями, неясными – отвлечёнными местами и необыкновенными красотами».

Следующий месяц – июль: чтение «Новой Элоизы» Руссо. Запись в дневнике: «Читаю Руссо и чувствую, насколько в образовании и таланте он стоит выше меня, а в уважении к самому себе, твёрдости и рассудке – ниже».

Трудно комментировать такое признание. Первую часть можно понять, имея в виду предельную взыскательность Толстого к себе; а вот вторую часть, отличающуюся вроде бы гордыней, самоуважением, – понять труднее. Хотя и понятно – Толстой всегда был самодостаточен и независим.

Неожиданно имя Руссо прикоснулось к художественному творчеству Л.Н. Толстого. И.С. Тургенев в августе 1857 года пишет В.П. Боткину о рассказе Толстого «Люцерн»: «Я прочёл небольшую его вещь, написанную в Швейцарии. Не понравилась она мне: смешение Руссо (разрядка наша. – А.Н.), Теккерея и краткого православного катехизиса».

Летом 1885 года в письме к В.М. Грибовскому Толстой рекомендует ему прочесть «Исповедь» и «Эмиль» Руссо, которые в юности произвели на Толстого «огромное» впечатление.

Вспомним уже знакомое нам письмо Толстого к Черткову (январь 1887 года), в котором он сообщает о своём намерении «просить» «по всем писателям» «кто что даст» для народного издания в «Посреднике». Главное же – издать «все знаменитые сочинения немцев, французов, англичан: Вольтера, Руссо и т.д.».

Толстой как человек с педагогической стрункой умел пропагандировать сочинения достойных писателей. Так, в октябре 1888 года в письме к А. М. и Т.А. Кузьминским он сообщает о вечерних чтениях с их дочерьми, гостящими в Ясной Поляне: «То был Достоевский, то Мериме, то Руссо, то

Пушкин даже (Цыгане), то Лермонтов, и предстоит многое – одно естественно вызывает другое».

Осенью 1890 года Толстой перечитывал «Эмиля» Руссо.

Март 1892 года. В письме к И.И. Горбунову-Посадову и Е.И. Попову на их вопрос о книгах по воспитанию Толстой отвечает, что «Эмиль» Руссо «непременно должен стоять в главных», и называет ещё «Бедные люди» В. Гюго.

Через год в руки Толстого попала «хорошая, интересная» книга о Руссо [11].

В 1894 году признавался В.Ф. Лазурскому, что «сказки Вольтера ему скучны», а «Руссо – могу перечитывать». В этой же беседе Толстой высказал свои замечания о французских писателях. Руссо, которого он «читал с самых молодых лет и перечитал всё, даже его переписку», – «величайший писатель».

В декабре того же года в письме к В.О. Португалову сочувственно отозвался о его статье, излагающей систему воспитания немецкого учёного А. Шульца, последователя Руссо.

И опять – пропаганда французского мыслителя. Осенью 1898 года в письме к сыну Андрею Львовичу Толстой советует ему читать «La nouvelle Héloïse» («Новую Элоизу») Руссо: «прекрасная книга, заставляет думать».

Через четыре года (осень 1902 года) Толстой исправляет сделанный А.А. Русановой перевод «Исповедания веры савойского викария» (главы из «Эмиля») Руссо.

Через год (осень 1903 года) – письмо к французскому писателю О. Мирбо: «Французское искусство произвело на меня в своё время впечатление открытия, когда я впервые прочёл Альфреда де Виньи, Стендаля, Виктора Гюго и особенно Руссо».

Ещё через год Толстой пишет Г.А. Русанову, что в связи с работой над «Кругом чтения» он «всё это время» читает Марка Аврелия, Эпиктета... и «новых» – Монтескьё, Руссо, Вольтера...

Руссо «помогал» Толстому и в вопросах технологии творчества. В феврале 1905 года в беседе с французским писателем А. де Вогюэ относительно лучших часов для работы Толстой сказал: «Работается хорошо днём, после сна, а ночью, после целого дня, нельзя ясно мыслить. За работой один работает, другой критикует, а при работе ночью критик спит. Я вполне согласен с Руссо, что лучшие мысли приходят ночью, когда человек просыпается от сна, утром и во время прогулок. У мысли есть свой зенит, иногда схватишь её, когда она только что выступает, – тогда она не будет так сильна, ясна, как на зените; иногда – когда она уже миновала зенит и слабеет... Можно определить, какие книги писаны ночью. Диккенс и Руссо писали днём, Достоевский – ночью, Байрон – тоже ночью».

Через месяц, в марте 1905 года, в письме к председателю Общества Жан-Жака Руссо в Женеве Бернарду Бувье Толстой «с большим удоволь-

ствием» выражает согласие вступить в члены общества и говорит о «сильном и благотворном влиянии» на него Руссо, бывшего его учителем с 15 лет. «Руссо не стареет. Совсем недавно мне пришлось перечитать некоторые из его произведений, и я испытал тот же подъём духа и восхищение, которые я испытывал, читая его в ранней молодости».

В мае 1907 года в дневнике записано «дело» – составить для «Детского круга чтения» жизнеописания Эпиктета, Сократа, Паскаля, Руссо, Будды, Конфуция. (Замысел остался неосуществлённым.)

Осень 1909 года. Чтение статьи об «Исповеди» Руссо в изд. «Annales Jean Jaques Rousseau» (tome IV, Geneve, 1908), присланном Толстому Обществом Руссо, почётным членом которого он состоял (Д.П. Маковицкий).

И в заключение повторим ещё раз (см. стр. 29 настоящего пособия) мнение Толстого о Руссо. В феврале 1910 года в разговоре о философах – мнение Толстого: «Канта уж как ценю, но он тяжёл. А Руссо и особенно Паскаль – это такой блеск, ясность, красота изложения» (Д.П. Маковицкий).

П.-О. БОМАРШЕ

В марте 1875 года Толстой смотрит «Свадьбу Фигаро» Б о м а р ш е – «прелесть».

А в конце... 1895 года присутствовавший «на субботнем журфиксе» у Толстых В.Ф. Лазурский записывает разговоры с Толстым о литературе и музыке. В частности: «Мольер художественнее Шекспира, Бомарше – и подавно. У Мольера, правда, нет такого разнообразия и глубины содержания, но зато всякая вещица хорошо отделана, художественна».

Г.-Э. ЛЕССИНГ

В уже известном нам письме к В.Г. Черткову (январь 1887 года) Толстой сообщает о своём намерении, кроме русских известных писателей, печатать в издательстве «Посредник» ещё и «сочинения немцев, французов, англичан», в том числе «Натана Мудрого» Л е с с и н г а.

Через 11 лет, в 1898 году, Толстой «подбирает примеры из всемирной литературы» образцов «истинного» искусства. «Нашёл и может указать лишь несколько произведений В. Гюго, Диккенса, Достоевского, Шиллера. О „Натане Мудром“ Лессинга ещё подумает, перечитает...» (дневник В.Ф. Лазурского).

И последнее свидетельство – осенью 1904 года, уже известное нам: Толстой пишет Г.А. Русанову, что в связи с работой над «Кругом чтения» он «всё это время» читает Марка Аврелия, Эпиктета... и «новых» – Монтескьё, Руссо, Вольтера, Лессинга» и т.д.

И.-В. ГЁТЕ

Первая запись в дневнике Толстого помечена 5 марта 1847 года (Толстому было неполных 19 лет): «Чтение «Фауста» Гёте».

В марте 1851 года – запись: «Чтение «Страданий молодого Вертера».

Читая «удивительную» вещь Гёте – «Ифигения в Тавриде», Толстой испытал «неописанное великое наслаждение».

В сентябре 1857 года – пометка в записной книжке: «Гёте холоден. Ежели бы он был молод и силен, то все бы фаустовские мысли и порывы развил. А развил бы, не уложил бы в эту форму».

Через месяц в письме к В.П. Боткину 1 ноября 1857 года Толстой приводит свой разговор с М.Е. Салтыковым-Щедриным о современной литературе: «Салтыков даже объяснил мне, что для изящной литературы теперь прошло время (и не для России теперь, а вообще), что во всей Европе Гомера и Гёте перечитывать не будут больше».

Весной 1861 года в письме к И.С. Тургеневу Толстой пишет о своём возвращении к художественной работе и даёт высокую оценку «Фаусту» Гёте.

В апреле 1861 года, за границей, Толстой осматривает дом Гёте (дневник).

Через 10 лет Толстой оказался в Германии, в Веймаре.

Великий герцог Веймарский Карл-Александр приглашает его к себе: «Глупые придворные и красавица немка из народа, которая должна слыть за дуру, но умнее их всех», – пишет Толстой в дневнике.

В июне 1863 года запись в дневнике: «Читаю Гёте и роятся мысли».

В начале 1864 года в списке книг, произведших на Толстого наибольшее впечатление от 20 до 35 лет:

«Гёте. Герман и Доротея – очень большое

Фауст и мелкие стихотворения – влияние».

В марте 1865 года: чтение «Фауста» Гёте (запись в дневнике).

В январе 1870 года: чтение Мольера, Шекспира, Гёте, Пушкина, Гоголя (записная книжка).

Через месяц «про Гёте говорил, что он эстетик, изящен, пропорционален, но что драматического таланта у него нет, что в этом он слаб», но «когда Гёте раздражает, философствует, тогда он велик».

А вот в декабре 1885 года в письме к Н.Н. Страхову Толстой просит его работать «побольше над делом, а не над пустяками, как переводы, и особенно эта дребедень из дребеденей – «Фауст» Гёте».

Есть и такая оценка: отзыв о Жане-Поле Рихтере в связи с чтением статьи о нём: «Чистота его нравов и платонизм поразительны. Прекрасные тоже изречения. Это хорошего сорта писатель. Рядом с эгоистом Гёте» (дневник 1889 года).

Ещё более резко ответил Толстой в письме к А.А. Толстой на её вопрос о Гёте: «Гёте-то я очень не люблю. Не люблю его самоуверенное язычество» (август 1891 года).

Осенью 1892 года Толстой читает «Фауста» Гёте в переводе Фета. Через год снова понадобился ему Гёте: он пишет дочери Т.Л. Толстой в Москву, что ему «надо бы» «Страдания молодого Вертера» Гёте и «Разбойники» Шиллера. Вероятно, книги нужны были Толстому для работы над статьёй об искусстве.

Летом 1894 года В.Ф. Лазурский записывает в дневнике, что Лев Николаевич всегда чрезвычайно сочувствовал изданию в переводе европейских классиков, сам делал попытки и считает это дело не лёгким. Нужно переводить не всё, а только лучшее. «Я прочёл Гёте все сорок два тома. Из них четыре тома, не больше, следует набрать».

Осенью Толстой читает статью В.Д. Спасовича «Дружба Шиллера и Гёте» («Вестник Европы», 1894, № 2–4). Читая эту статью, Толстой много думает «и об эстетике, и о своей драме». Зимой 1895 года В.Ф. Лазурский записывает, что Гёте как драматурга Лев Николаевич совсем не любит; «так и видно, как сидел он и сочинял».

В апреле 1900 года А.Б. Гольденвейзер записывает в дневнике: «Лев Николаевич сказал: «Шекспира и Гёте я три раза в жизни проштудировал от начала до конца и никогда не мог понять, в чём их прелесть». По словам Льва Н-ча, Гёте холоден. Из его сочинений ему нравятся многие лирические стихотворения и «Герман и Доротея». Драматических произведений Гёте он не любит, а романы считает совершенно слабыми...».

Апрель 1905 года. По случаю телеграммы «Berliner Tageblatt» с просьбой «написать несколько строк о Шиллере», Толстой сказал: «Я очень люблю Шиллера... Некоторые места у него лучше, чем у Гёте... Хотелось бы так телеграфировать: «Шиллер жив, не умрёт».

Мы дошли до осени 1906 года. С.А. Стахович высказала удивление, что Толстой не любит «Фауста» и любит «Германа и Доротею», которую она находит сентиментальной. На что Толстой возразил: «Здесь сентиментальность на месте: описание простоты деревенской жизни». С.А. напомнила, что Л.Н. из Гёте любит ещё «Страдания молодого Вертера». Л.Н. подтвердил: «Вертера» люблю и некоторые стихотворения» («Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого).

В тех же «Записках» приводятся слова Толстого: «Шиллера люблю, но его «Wallenstein Lager» («Лагерь Валленштейна») не могу читать... Шиллера я люблю, это свой человек, а Гёте – мёртвый немец».

Май 1909 года. Письмо лейпцигскому издателю Т. Вейхеру, приславшему Толстому «Goethe Kalender auf das Iahz, 1909», в котором Толстого «особенно заинтересовали разговоры Гёте с разными лицами»; в них он «нашёл для себя много нового и ценного».

В октябре 1909 года А.Л. Толстой и А.Л. Толстая (дети Толстых) говорили об «Erlkönig» («Лесной царь») Гёте и декламировали его по-немецки. Толстой сказал: «Я его никогда не понимал» (Д.П. Маковицкий).

И последнее свидетельство – в ноябре 1909 года. Толстой на вопрос М.А. Шмидт, что он делал, ответил, что перечитывал Гёте – «Гётевский календарь на 1910 год», и что так как Гёте был всегда ему несимпатичен, то он боялся, что несправедлив к нему, и перечитывал его изречения. «Нет, не изменилось моё мнение о нём. Он неизменный» (Д.П. Маковицкий).

И.Ф. ШИЛЛЕР

В числе книг, которые произвели на Толстого сильное впечатление от 14 до 20 лет, значились «Разбойники» Ш и л л е р а («очень большое») – по воспоминаниям самого Толстого 1891 года.

Летом 1854 года – чтение драмы Шиллера «Заговор Фиеско». В связи с этим – запись в дневнике: «Я начинаю понимать драму вообще».

В известном уже нам письме к В.Г. Черткову (1887) о намерении «просить» «по всем писателям» «кто что даст» для народного издания в «Посреднике» и издать в нём все знаменитые сочинения зарубежных писателей значатся «Разбойники» Шиллера.

Вспоминая в 1890 году своё впечатление от первого чтения в молодости драмы Шиллера «Разбойники», Толстой записывает в дневнике: «Räuber'ы» Шиллера оттого мне так нравились, что они глубоко истинны и верны».

Зима 1891 года. Чтение вслух семейным «Дон-Карлоса» Шиллера.

Весна 1893 года. В письме Ф.И. Рыбакову Толстой сочувственно цитирует выдержку из заключительной строфы стихотворения Шиллера «К друзьям» (1802): «Истинно только то, что никогда не случилось».

Осенью 1893 года пишет дочери Т.Л. Толстой в Москву, что ему «надо бы» «Страдания молодого Вертера» Гёте и «Разбойников» Шиллера.

Через год – чтение статьи В.Д. Спасовича «Дружба Шиллера и Гёте» («Вестник Европы», 1894, № 2–4). Читая её, Толстой много думает «и об эстетике, и о своей драме» [12].

Мы уже упоминали, что зиму 1895/96 гг. Толстой побывал в народном театре на фабрике Прохорова в Москве. На вопрос фабриканта, какие пьесы ставить для рабочих, Толстой «советовал непременно познакомить его публику с «Королём Лиром» Шекспира и с «Разбойниками» Шиллера.

Зимой 1898 года Толстой «подбирает примеры из всемирной литературы» образцов «истинного» искусства. «Нашёл и может указать лишь несколько произведений В. Гюго, Диккенса, Достоевского, Шиллера... Тогда же читает «Разбойников» и восхищается ими» (дневник С.А. Толстой) [13].

В эти же дни у Толстого был актёр А.И. Сумбатов-Южин. На его вопрос, какая из пьес мировой литературы ему нравится больше других, Толстой ответил: «Разбойники» Шиллера.

А.Б. Гольденвейзер весной 1900 года записывает в дневнике: «Шиллера Лев Николаевич очень любит и говорит: «Это настоящий». Он любит у него почти всё. Особенно «Разбойников» и «Дон-Карлоса»... также и «Марию Стюарт», «Вильгельма Телля», «Валленштейна».

В августе 1904 года в «Русских ведомостях» появляется обширное интервью, данное Толстым немецкому журналисту Гуго Ганцу, посетившему его в январе. Интервью содержит оценки Канта, Лихтенберга, Гёте, Шекспира, Гейне. Любовь к человечеству Толстой в гораздо большей степени находит у Шиллера.

По случаю телеграммы «Berliner Tageblatt» в апреле 1905 года с просьбой «написать несколько строк о Шиллере», Толстой сказал: «Я очень люблю Шиллера... Некоторые места у него лучше, чем у Гёте... Хотелось бы так телеграфировать: «Шиллер жив, не умрёт» («Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого).

В тех же «Яснополянских записках» читаем (слова Толстого): «Шиллера люблю, но его «Wallenstein Lager» («Лагерь Валленштейна») не могу читать... Шиллера я люблю, это свой человек, а Гёте – мёртвый немец».

Последний отзыв о Шиллере датирован августом 1907 года. В дневнике Толстой сочувственно вспоминает читанное им ещё в 1854 году в Бухаресте стихотворение Шиллера «Breite und Tiefe» («Ширина и глубина»), основную идею которого формулирует в следующих словах: «Сосредоточить только все силы на малейшую точку – и ты совершишь великое».

ЧАСТЬ II. XIX–XX вв.

ГЛАВА 5. ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX–XX веков В ВОСПРИЯТИИ ТОЛСТОГО

Середина – конец 50-х годов XIX века характеризовались большими спорами между литераторами о двух направлениях в русской литературе – «обличительном» и «чистого искусства».

Интерес к социально-общественным вопросам современности стал в ту пору преобладающим в русской литературе. Вызван он был переменами в самой жизни, обстановкой общественного возбуждения, предшествовавшей революционной ситуации 1859–1861 годов.

На литературе новые требования времени отразились двояким образом. С одной стороны, в творчестве выдающихся писателей-реалистов (Островского, Некрасова и др.) усилились критические и социальные мотивы; с другой стороны, «обличительство» стало модой и породило бесчисленное множество произведений, ничтожных по содержанию и особенно по художественным достоинствам.

Толстой ещё в предыдущем году замечал усилившееся тяготение массы читателей к обличительному направлению в литературе, о чём он писал Некрасову 2 июля 1856 года. Теперь это тяготение ещё больше определилось.

И.И. Панаев же с грустью писал через год В.П. Боткину о том, что «самое благоуханное и поэтическое произведение, не соприкасающееся с современной действительностью, с живыми, насущными интересами минуты, пройдёт теперь незамеченным».

О своём отношении к новому направлению литературы Толстой говорит 1 ноября 1857 года в письме к В.П. Боткину (члену «эстетического триумвирата»): «Ведь всё это смешно, а ошалеешь, как вдруг весь свет вас уверяет, что небо чёрное, когда вы его видите голубым и невольно подумаетесь, хорошо ли сам видишь». Но Толстой тут же прибавляет, что он «не изменил своего взгляда».

Вместе с тем Толстой оговаривается, что, по его мнению, «наша (курсив автора. – А.Н.), то есть поэзия (он подчёркивает слово «наша»), есть если не противозаконное, то ненормальное явление, и потому построить на нём всю жизнь противозаконно». Под этими словами Толстой, очевидно, разумел то, что художественные произведения, не связанные непосредственно с текущей жизнью, «наша литература», доступны и интересны только незначительному меньшинству. В этих словах Толстого – зародыш того отрицательного отношения к искусству «образованных классов»

(в противоположность народному творчеству), которое через пять лет Толстой выскажет в своих педагогических статьях. Толстой очень доволен тем, что не послушал Тургенева, который доказывал ему, что «литератор должен быть только литератор». «Это было не в моей натуре».

Интересно то, что и в своих отзывах о зарубежных писателях Толстой твёрдо стоит на реалистических позициях эстетики, на народной подоплёке восприятия художественных произведений. Он ценит тех писателей, которые суть «не – литераторы», то есть в произведениях которых налицо не только литературный вкус, но и дышит живая душа человека практического, знающего и понимающего человека жизни.

В. СКОТТ

Теперь господство литературы текущего дня представляется Толстому настолько всеобщим, что ему приходят мысли о том, что отныне его литературная деятельность будет испытывать большие затруднения. Вспоминая мнение Вальтера Скотта, что «нельзя из литературы сделать костыль», Толстой задавал вопрос: «Каково бы было моё положение, когда бы, как теперь, подшибли этот костыль».

Следующее свидетельство Толстого о Вальтере Скотте относится к маю 1866 года и не отличается почтительностью. Толстой пишет А.А. Фету, что читает «Дон-Кихота» Сервантеса, Гёте и в последнее время всего Виктора Гюго и высказывает мнение, что о Гюго «никто не говорит и все его забыли именно оттого, что он всегда и у всех остаётся не так, как Байроны и Вальтеры Скотты».

Конечно, напрашивается сопоставление романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир» с историческими романами Вальтера Скотта.

Ряд верных замечаний о художественной структуре «Войны и мира» находим в статье Н. Соловьёва в газете «Современная пчела», 1869, № 12 от 23 марта. Автор вполне понимает ту важную роль, которую придаёт Толстой простым людям в ходе исторических событий. До сих пор, говорит критик, в исторических романах «побочные лица не принимали существенного участия в событиях». Эти «побочные лица» давали романистам только материал для изображения «духа века, нравов и обычаев», в самые исторические события романисты их не впутывали, считая эти события делом только избранных личностей». Так поступал Вальтер Скотт и другие исторические романисты. У Толстого, например, эти люди «оказываются теснейшим образом связанными с самыми крупными событиями вследствие неразрывности всех звеньев жизни». У Толстого «переплетаются все героические и обыкновенные явления жизни; при этом нередко обыкновенные низводятся на степень героических». У Толстого «ряд исторических и жизненных картин поставлен в таком изумительном равенстве, какому ещё и примера не было в литературах. Дерзость его при совлечении с

высоты пьедесталов разных героев тоже поистине изумительна». Художественный метод Толстого, по мнению критика, характерен тем, что на крупный исторический факт у него смотрит всегда кто-нибудь из самых обыкновенных смертных, и по впечатлениям этого простого смертного уже составляется художественный материал и оболочка события».

И.С. Тургенев в начале 1880 года сообщает в письме к Толстому из Парижа с выдержкой из письма к нему Г. Флобера с хвалебным отзывом о «Войне и мире», где Флобер писал: «Это первоклассная вещь! Какой художник и какой психолог!.. Мне кажется, что кое-где есть места шекспировские! Я вскрикивал от восторга во время чтения... а оно продолжается долго! Да, это сильно, очень сильно!»

В том же письме Тургенев прислал вырезку из газеты «Le XIX Siecle» от 23 января (нов. ст.), где было напечатано его письмо к редактору Э. Абу следующего содержания:

«Лев Толстой – наиболее популярный из современных русских писателей, а «Война и мир», смело можно сказать, – одна из замечательных книг нашего времени. Дух эпоса веет в этом обширном произведении, где мастерски обрисован общественный и частный быт России в первые годы нашего века. Целая эпоха, богатая великими событиями и крупными фигурами (рассказ начинается незадолго до Аустерлицкого сражения и доходит до сражения под Москвой), целый мир, множество типов, схваченных живьем, из всех кругов общества, развёртываются перед читателем. Способ, каким граф Толстой обрабатывает свой предмет, столь же своеобразен, как и нов; это не метод Вальтера Скотта и, само собой разумеется, также не метод Александра Дюма. Граф Толстой – русский писатель до мозга костей; и те из французских читателей, кого не оттолкнул немногие длинноты и причудливость некоторых оценок, будут вправе сказать себе, что «Война и мир» дала им более непосредственное и верное представление о характере и темпераменте русского народа, вообще о русской жизни, чем если бы они прочитали сотни сочинений по этнографии и истории. Здесь есть целые главы, в которых никогда не придётся ничего изменить; здесь есть исторические лица (как Кутузов, Растопчин и другие), чьи черты установлены навеки; это – непреходящее. Как видите, я смел в выражениях; и, однако, мои слова ещё далеко не передают моей мысли... Это – великое произведение великого писателя, и это – подлинная Россия» [14].

Март 1887 года. На письме Н.Н. Рубинштейна, просившего прислать книг для народного чтения, требующих исправления, надпись Толстого: «Так называемые *романы* (курсив автора. – А.Н.) издания Сытина, вроде милорда и других, уже все разосланы лицам, желавшим их переделывать. Очень вероятно, что многие из них возвратятся назад. Но нужнее переделок их был бы перевод, сокращение и упрощение хороших классических романов Диккенса, Жоржа Элиота, Гюго и даже хороших романов Вальтера Скотта и др.».

В ноябре 1906 года в разговоре о Вальтере Скотте Толстой сказал, что он «очень скучен» («Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого).

В заключение отметим, что Толстой, по-разному относясь к сочинениям Шекспира, Гёте, Вальтера Скотта, не мог запретить литературным собратьям, критикам сравнивать его произведения (то «в пользу» Толстого – чаще, то «в пользу» западных «великанов» литературы) – но в общих случаях к пользе изучения литературного процесса в России и Западной Европе – и уже одно это сглаживает некоторые субъективные оценки нашего крупнейшего писателя-реалиста.

В. ГЮГО

Первая запись в дневнике – за февраль 1863 года: «чтение «Misérables» («Отверженные») В. Г ю г о – «сильно».

В списке книг, произведших на Толстого наибольшее впечатление в возрасте от 20 до 35 лет наряду с другими книгами, значится и роман Виктора Гюго «Notre Dame de Paris» («Собор Парижской богородицы») – «очень большое».

В марте 1863 года Толстой сообщает Фету, что читает «Дон-Кихота» Сервантеса, Гёте и в последнее время всего Виктора Гюго и высказывает мнение, что о Гюго «никто не говорит и все его забыли именно оттого, что он всегда и у всех останется, не так, как Байроны и Вальтер-Скотты».

В уже известной нам надписи на письме Н.Н. Рубинштейна, просившего прислать книг для народного чтения, требующих исправления, говорится о необходимости «перевода, сокращения и упрощения хороших классических романов Диккенса, Жоржа Элиота, <Гюго>...».

В июне 1889 года Толстой читает для себя, а потом вслух «прекрасную переделку романа Гюго «L' Homme qui rit» («Человек, который смеётся») А.Ю. Бизюкиной [15].

Примерно в это же время Толстой беседовал с английским журналистом Стэдом о толстовском грандиозном проекте – издании Всемирной библиотеки по цене, доступной самому бедному крестьянину. Затем в этой беседе были названы авторы для этой народной Всемирной библиотеки – от древних писателей Гомера и Конфуция до Джордж Элиот и Гюго. «Отверженные» заслуживают того, чтоб их читали на всех языках мира», – сказал Толстой.

В 1892 году летом скульптор И.Я. Гинцбург лепил бюст Льва Николаевича. Во время сеансов кто-нибудь из домашних читал вслух; «помню, что читали, – пишет В.В. Стасов, – биографию Спинозы, и Лев Николаевич слушал с особенным интересом и делал замечания, а когда потом читали «Тружеников моря» Виктора Гюго, то он даже расплакался».

В 1893 году в беседе с Ю.А. Веселовским Толстой высказывает своё мнение о Мопассане: «По моему мнению, Мопассан после Виктора Гюго – лучший писатель новой эпохи».

Далее беседы с А.Г. Русановым о литературе (весна 1894 года) – оценены более десятка русских и зарубежных авторов, среди них Диккенс и Гюго – «настоящие христианские писатели».

Летом того же года разговоры с Н.Н. Страховым и В.Ф. Лазурским о литературе. В частности, о «*Les misérables*» В. Гюго как «одном из лучших романов».

Июль 1894 года – опять Гюго. В один из вечеров Толстой слушает чтение его рассказа «Эшафот». В дневнике В.Ф. Лазурского отмечено: «Лев Николаевич сказал, что его раньше не знал, но что это превосходная вещь». «У него есть почти все сочинения Гюго, кой-чего не достаёт. Перечитывал он всё, что достал. Признаёт в нём много странных вещей, но все искупаются высотой содержания». «И теперь пигмей вроде Бурже посмеивается над ним; ведь Гюго – гигант в сравнении с ним».

Февраль 1893 года. Беседа Толстого с Касаткиным об искусстве. Толстой «вспоминал разные произведения, которые он считает настоящими»: в том числе романы В. Гюго, его же «*Les pauvres gens*» («Бедные люди»).

Тогда же Толстой «подбирает примеры из всемирной литературы» образцов «истинного» искусства. В.Ф. Лазурский свидетельствует: «Нашёл и может указать лишь несколько произведений В. Гюго, Диккенса, Достоевского, Шиллера...»

В начале 1900 года В.В. Стасов пишет Толстому, что он «теперь занят «Воскресением». Это такая штука, которой не было подобной во весь наш XIX век. Выше и «*Misérables*» («Отверженных» В. Гюго), потому что нет тут ни единой ниточки идеальной, чего-нибудь литературного, а всё только само мясо и плоть жизни. А у кого ещё это есть?..»

Письмо к О. Мирбо в ответ на его посвящение Толстому русского перевода комедии «*Les affaires sont, les affaires*»: «Я думаю, что каждый народ употребляет различные приёмы для выражения в искусстве общего идеала и что благодаря именно этому мы испытываем особенное наслаждение, вновь находя наш идеал выраженным новым, неожиданным образом. Французское искусство произвело на меня в своё время впечатление открытия, когда я впервые прочёл Альфреда де Виньи, Стендаля, Виктора Гюго и особенно Руссо» (сентябрь 1903 года).

Спустя два месяца – письмо к доктору философии Генриху Ильгенштейну с выражением соболезнования о смерти (31 октября) Вильгельма Поленца, которого Толстой называет «большим писателем, соединившим в себе в равной степени все три свойства, нужные для писателя: всегда важное содержание, прекрасную технику и большую искренность, т.е. любовь к тому, что он описывал... Это один из тех писателей, которые, как Диккенс, Гюго, переживут несколько поколений и будут оценены не одними соотечественниками».

В январе 1905 года Толстого посетил корреспондент английской газеты «*Manchester Guardian*» новозеландец Гарольд Вильямс. Разговор с ним – об общественном движении в России и о литературе. Упоминаются:

Диккенс («мировой гений»), Байрон (Толстой «не мог до конца дочитать. Его герои говорят то, что он вперёд решил вложить им в рот»), Горький («у Горького нет ни одного доброго лица: у Чехова их пропасть: дети; также у Диккенса, Гюго...»).

Через месяц – разговор с Вогюэ о литературе и живописи. Упоминаются из писателей: Золя, Франс, Ренан, Диккенс и Гюго (Толстой «отдал предпочтение Диккенсу» – Гюго отталкивает уже своим пафосом)).

И осенью того же года Д.П. Маковицкий в «Яснополянских записках» пишет о разговоре с Толстым о В. Гюго и Диккенсе. Толстой сказал: «Я выделяю этих особых писателей, потому что они на стороне угнетённых, уродов, бедных, страдающих... В. Гюго такой великий человек, огромных дарований, у него разные вещи, и слабые... «Notre Dame» меня в молодости очень трогала; видел эту историю и в балете – Эсмеральда. И этот балет мне нравился, как никакой другой».

В записной книжке весной 1907 года Толстой подбирает рассказы для чтения с детьми. Чтение рассказов В. Гюго в сборнике, изданном И.И. Горбуновым-Посадовым для детей, вызвало в Толстом «желание художественной работы». Во исполнение этого желания для «Детского круга чтения» написаны рассказы: «Бедные люди» (по В. Гюго), «Царское новое платье» (по Андерсену), «Федотка», «Старик в церкви».

В ноябре 1907 года разговор с Д.П. Маковицким о В. Гюго. Толстой хвалил его «Последний день приговорённого к смерти» и находит у него «большую силу, настоящую, философско-религиозную». На замечание С.А. Стахович, что «нельзя любить Виктора Гюго», так как у него нет чувства меры художника, которому Толстой придаёт такое большое значение, Толстой сказал: «Это правда».

В марте 1908 года Толстой продиктовал перевод рассказа В. Гюго «Un athee» («Неверующий»). После диктования – обморочное состояние. В конце месяца Толстой исправляет перевод этого рассказа В. Гюго [16].

Через месяц Толстой рекомендует дочери своей Татьяне Львовне прочесть стихотворения В. Гюго: «Fonction de l'enfant» («Обязанность ребёнка») и «Petit Paul» («Маленький Поль»). Отзыв Толстого: «Прелестно! Постараюсь перевести. Жалко, что в стихах». Это всё – в «Яснополянских записках» Д.П. Маковицкого.

Май 1908 года. Интерес к творчеству В. Гюго не ослабевает: исправление рукописи пересказа стихотворения В. Гюго «Гражданская война».

Предпоследняя запись Д.П. Маковицкого (февраль 1909 года): «Чтение Виктора Гюго по изданию: «Morceau choisis de V. Hugo. La Peine de Mort», Paris, Ollendorf Collection, s.d. «Прекрасно – проза, но стихи – не могу» [17].

И вот последняя запись Д.П. Маковицкого (за август 1909 года): «За обедом разговор о Викторе Гюго. Слова Толстого: «У него есть фраза и пафос, которые отталкивают, а вместе с тем есть и простота». На возраже-

ние, что у Гюго «целые тома поэзии – безумие», Толстой ответил: «Но другого рода безумие, чем декадентское»...

В целом этот французский писатель-романтик и в то же время реалист волновал Толстого и побуждал его и к размышлениям, и к творчеству.

Ж. САНД

Лето 1851 года – чтение романа Ж о р ж С а н д «Орас».

Лето 1854 года – чтение «прекрасного» романа Жорж Санд (роман не назван) – в дневнике.

В феврале 1856 года за обедом у Некрасова Толстой резко напал на взгляды Жорж Санд по женскому вопросу (эмансипация), что рассорило его с Тургеневым.

Январь 1857 года: запись в дневнике: «Комедия. Практический человек. Жорж-сандовская женщина и Гамлет нашего века – вопиющий больной протест против всего, но бессилие».

Осень 1865 года – резкое неприятие: чтение романа Жорж Санд «Консуэло» – «что за превратная дичь с фразами науки, философии, искусства и морали. Пирог с затхлым тестом и на гнилом масле с трюфелями, стерлядями и ананасами».

А вот пять лет спустя, летом 1870 года, в письме к Фету Толстой одобрительно отзывается о повести Жорж Санд «Malgrétout», напечатанной в «Revue des deux mondes» («молодец старуха»).

Зимой 1894 года Толстой заинтересовался статьёй Жорж Санд «Coup d'oeil général sur Paris» (в письме к В.Д. Комаровой биограф Толстого П.И. Бирюков просит доставить эту статью для Льва Николаевича).

Весной 1907 года в разговоре о французских писателях Толстой сказал, что он «не уважает» «Флобера и Жорж Санд, – особенно, когда она писала и переживала романы. Но в старости у неё появилось нравственное чувство. Её письма лучше, чем Флобера («Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого).

По свидетельству А.Б. Гольденвейзера, Толстой нелестно отозвался о сочинениях Жорж Санд, в частности, о её романе «Consuello»: «Всё фальшиво, дурно, скучно».

И, наконец, незадолго до смерти (апрель 1909 года) в разговоре с Д.П. Маковицким о Жорж Санд Толстой вспомнил о своём отношении к ней в молодости: «Я в своё время, кроме отвращения, ничего к ней не чувствовал, в то время, как Тургенев восхищался ею»...

Женский романтизм Жорж Санд не мог совместиться с суровым мужским реализмом Л.Н. Толстого...

П.Ж. БЕРАНЖЕ

В ноябре 1857 года Толстой посылает Некрасову «прелестное» по-
смертное стихотворение Б е р а н ж е в переводе Фета («О Франция! Мой
час настал...») [18].

В ноябре 1870 года Толстой советует Фету перевести стихотворение
Беранже «Le bonheur» («Счастье»).

Осень 1905 года. Прочитав в VI «Сборнике товарищества «Знание»
одно или несколько стихотворений Скитальца, Толстой «с негодованием»
сказал: «Ужасное что-то» (Д.П. Маковицкий) [19].

Зимой 1906 года – запись Д.П. Маковицкого. Разговор о Беранже.
Слова Толстого: «Некоторые вещи Беранже очень поэтичны». Толстой
прочитал наизусть несколько стихотворений Беранже. «Хорошо пишут
стихи французы и русские».

Весной 1906 года – Толстой «хвалил Беранже» (по «Яснополянским
запискам» Д.П. Маковицкого).

И, наконец, август 1909 года завершает свидетельство Д.П. Маковицкого
об отношении Толстого к Беранже: кроме В. Гюго, другой поэт французский,
которого он любит, – Беранже. «Даровитый, ничего безнравственного у него
нет, склад народный, нравственный, благородный и бодрый».

П. МЕРИМЕ

Ещё в молодые годы (зима 1856 года, Петербург) познакомился Тол-
стой с произведениями этого уже тогда популярного в России французско-
го писателя. Самая первая о нём запись в дневнике – негативная: чтение
повести М е р и м е «Кармен» – «слабо, французско». Зато следующая –
чтение Мериме – «хорошо» (к сожалению, не указаны произведения).

Осень 1865 года. Чтение «Хроники Карла IX» Мериме: «Странная его
умственная связь с Пушкиным. Очень умён и чуток, а таланта нет».

Интерес не стойкий. Следующая пометка интереса к Мериме – лишь в
1888 году. В письме к А.М. и Т.А. Кузьминским Толстой сообщает о ве-
черних чтениях с их дочерьми, гостившими в Ясной Поляне: «То был Дос-
тоевский, то Мериме, то Руссо, то Пушкин даже («Цыгане»), то Лермон-
тов, и предстоит многое – одно естественно вызывает другое».

Интересен отзыв 1905 года (по Д.П. Маковицкому). Разговор о Пуш-
кине и Мериме. На замечание одного из гостей, что Пушкин подражал Ме-
риме, Толстой возразил: «Пушкин выше его. У Мериме хорош один рас-
сказ – «Кармен». [20].

Анри Мари СТЕНДАЛЬ

Второе знакомство Толстого с творчеством этого французского писа-
теля состоялось осенью 1883 года. В письмах к жене он сообщает, что чи-
тает «Rouge et noir» («Красное и чёрное») – роман С т е н д а л я («симпатия

за смелость, родственность, но неудовлетворённость»). Толстой вспоминает, что *впервые* читал Стендаля около сорока лет назад; теперь испытывает то же самое чувство, что и тогда, «но с ясным сознанием, отчего и почему».

В апреле 1887 года Толстой читает «для отдыха» «прекрасный» роман Стендаля «Chartreuse de Parme» («Пармская обитель») и испытывает желание «поскорее переменить работу; хочется художественной» [21].

По поводу прочитанной вслух из «Северного вестника» статьи П. Вейнберга о Жорж Санд, в которой давался общий обзор предшествовавшего французского романа, Толстой высказал свои замечания о французских писателях – Руссо, мадам Сталь, Шатобриане, Бальзаке. «Очень хвалил Стендаля» (дневник В.Ф. Лазурского).

В июле 1901 года у Толстого французский профессор Поль Буайе. Беседы о литературе. О Стендале: «Я больше, чем кто-либо, обязан Стендалю. Он научил меня понимать войну. Кто до него описал войну такую, какова она есть на самом деле?.. Повторяю... всё, что я узнал о войне, я прежде всего узнал от Стендаля» [22].

Очень содержательный материал имеется в полученном Толстым от издателя П. Гольдберга (сентябрь 1903 года) французском тексте посвящения Толстому, написанном О. Мирбо для русского перевода комедии «Les affaires sont les affaires» (в русском переводе Е. Семёнова – «Власть денег», СПб, 1903), где Мирбо писал: «Вы были моим истинным учителем нравственно более, нежели кто-либо из французских писателей... Вы и Достоевский... кое-кто из гордых писателей моей родины – заявляли, что вы многим обязаны Франции. Они хотели бы видеть в вас питомца революции и Стендаля. Я же утверждаю, что Франция сама ваша должница: вы возбудили в её многовековом гении новую жизнь, как бы расширили его восприимчивость. Вы первый научили нас искать жизнь в самой жизни... Вы первый научили нас читать то, что гнездится и бурлит в глубокой теме подсознания... всё то, что делает человека таким несчастным и смешным и... таким нам близким».

Толстой тотчас же написал ответ О. Мирбо: «Я думаю, что каждый народ употребляет различные приёмы для выражения в искусстве общего идеала и что благодаря именно этому мы испытываем особенное наслаждение, вновь находя наш идеал выраженным новым, неожиданным образом. Французское искусство произвело на меня в своё время впечатление открытия, когда я впервые прочёл Альфреда де Виньи, Стендаля, Виктора Гюго и особенно Руссо».

В феврале 1905 года в ответ на вопрос П.А. Сергеенко, не Диккенс ли имел на него в молодости «главное влияние?» – Толстой сказал: «Нет, Стендаль, как я уже много раз говорил» («Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого).

По отношению к Стендалю, таким образом, Толстой не испытал никаких противоречий.

О. де БАЛЬЗАК

Романы Б а л ь з а к а Толстой начал читать летом 1855 года (дневниковые записи).

В феврале 1857 года Толстой читает роман Бальзака «Онорина» – «талант огромный» (дневник). В марте чтение продолжается.

Весна этого года проходит под знаком Бальзака: чтение романа Бальзака «Cousine Bette» (дневник); в записной книжке: «У Бальзака в образах возможность, а не необходимость поэтическая»; чтение романа Дюма-сына «Дама с жемчугом» – «талант, но грунт, на котором он работает, ужасен. Деправация (разврат) Бальзака – цветочки перед этим» (дневник).

Интересный факт сопоставления творчества Бальзака и Толстого И.С. Тургеневым. В январе 1868 года появилась книга I «Собрания романов, повестей и рассказов в переводе на русский язык» с предисловием Тургенева к переводу романа М. Дюкана «Утраченные силы». Тургенев пишет, сравнивая романы Бальзака с «Казаками» Толстого: «Все его (Бальзака) лица колют своей типичностью, выработаны и отделаны изысканно до мельчайших подробностей – и ни одно из них никогда не жило и жить не могло; ни в одном из них нет и тени той правды, которой, например, так и пышут лица в «Казаках» нашего Л.Н. Толстого» («Московские ведомости», № 19 от 25 января).

И ещё – сопоставление Толстого и Бальзака в марте 1877 года. Н.Н. Страхов пишет Толстому: «Когда подумаю о том, что вышло из «Анны Карениной», то не могу надивиться. Да, это великое произведение [23], роман во вкусе Диккенса и Бальзака, далеко превосходящий все их романы. Ту часть, которая в феврале, я уже прочитал, и она меня защемила невыразимо. Она поразила и всех тех, которые жалуются на пустоту сюжета – чувствуют (напр., Стасов), что близится трагедия, неотвратимая, роковая».

Весной 1882 года – чтение Бальзака «в свободные минуты» «с удовольствием» (письмо к С.А. Толстой).

Через три с лишним года, в 1885 году, Толстой передаёт записку В.Г. Черткову с замечаниями относительно книжек «Посредника»:

По поводу сделанной Е.П. Свешниковой переделки романа Бальзака «Евгения Гранде», вышедшей под заглавием «Скупой и его дочь»: «Переделывать повести иностранные, как «Eugenie Grande», на русские нравы – значит лишать эти повести интереса знания быта нерусского и, главное, реальности. А лучше в выносках или в тексте делать разъяснения чуждых обычаев и условий».

Коснулся Толстой творчества Бальзака ещё раз летом 1894 года (сведения из дневника В.Ф. Лазурского). Поводом явилась статья П. Вейнберга в «Северном вестнике» о Ж. Санд, в которой даётся общий обзор предшествовавшего французского романа (Руссо, мадам Сталь, Шатобрион, Стендаль). «К Бальзаку Толстой, с его слов, никогда не чувствовал особого влечения, и всё из него перезабыл».

Что ж, своя эволюция восприятия литературы...

Ч. ДИККЕНС

По воспоминанию Толстого 1891 года ряд книг произвели на него сильное впечатление в возрасте от 14 до 20 лет. В их числе «Давид Копперфильд» Диккенса – «огромное» [24].

Осенью 1852 года – чтение «Давида Копперфильда» – «прелесть» (дневник).

Через год Толстой просит брата С.Н. Толстого прислать «Давида Копперфильда» на английском языке.

Лето 1854 года – чтение в «Современнике» романа Диккенса «Холодный дом».

В июле 1856 года Толстой просит Некрасова прислать ему роман Диккенса «Крошка Доррит» на английском языке. В августе он уже читает его.

Осенью того же года читает «Записки Пиквикского клуба» Диккенса (дневник).

Поздней осенью 1856 года Толстой отъезжает в Петербург; дорогой читает роман Диккенса «Крошка Доррит» (дневник).

В разгар работы над «Войной и миром», осенью 1865 года, читает роман Диккенса «Наш общий друг» (дневник).

В виде отдыха от занятий осенью 1878 года читает роман Диккенса «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита» (дневник С.А. Толстой). Из того же источника узнаём, что в это же время Лев Николаевич знакомится с романом Диккенса «Домби и сын».

Интересно, что далее чтение книг Диккенса внедряется в рабочий (творческий) ритм Толстого: так, в марте 1880 года, наряду с напряжённой работой по утрам, по вечерам читает «Заключительные записки Пиквикского клуба» Диккенса (письмо к А.А. Фету).

В письме к В.Г. Черткову (май 1885 года), возвращаясь к вопросу о переделке и издании в «Посреднике» произведений иностранных авторов, Толстой, в частности, рекомендует: всего Диккенса («в нём найдётся много прекрасного – его маленькие рассказы и романы») [25].

Осенью того же года Толстой читает «понемножечку» Диккенса «Bleak House» («Холодный дом») – «очень хорошо»; и думает об изложении для народа и для школьников его же «Оливера Твиста» (письмо к дочери Т.Л. Толстой).

Интересна в этом же плане записка В.Г. Черткову (поздняя осень 1886 года) с замечаниями относительно книжек «Посредника». В частности, Толстой рекомендует попробовать перевести для народных изданий целиком романы Диккенса «Холодный дом» или «Крошка Доррит» с комментариями непонятных мест и «с исключениями того, на что укажет опыт чтения рукописи в школах взрослых». «Стоить того попытать это и именно на Диккенсе передать всю тонкость ироники и чувства – выучить понимать оттенки. Для этого нет лучше Диккенса».

Тогда же И.М. Ивакин в своём дневнике отметил суждения Толстого о Диккенсе: «В последнее время я только перечитывал романы Диккенса – «Крошка Доррит», «Холодный дом». По-моему, Диккенс ещё вполне не оценён. Мы Диккенса не знаем, но какая это сила! Прежде эти романы мне казались тяжелы и скучны, но теперь – нет. Что это за сила! У него на сцене десять лиц, и вы, читая, ни про одно не забываете: каждое так и бьёт вам в глаза! Все эти английские учреждения являются у него в ироническом свете, всё одето такой иронией!.. Герои у него, по-моему, не лорды и т.п., а ободренные, с лицом, попорченным оспой, люди – вот его настоящие герои. Его роман «Оливер Твист» – прекрасный; я помню, я несколько раз рассказывал его детям и всегда имел успех».

В конце зимы 1886 года Толстой пишет В.Г. Черткову, что его «всё больше и больше занимает» издание в «Посреднике» повестей Диккенса «История о двух городах» и «Крошка Доррит» и сам желал бы обработать для народного читателя «прелестный» роман «Наш общий друг», но не имеет времени [26].

В воспоминаниях Г.А. Русанова за апрель 1894 года приводится содержание бесед с ним Толстого. Упоминаются: Писемский, Гончаров, Достоевский, Белинский, Писарев, Аксаков, Гёте, Ибсен, Чехов. В частности – Диккенс и Гюго («настоящие христианские писатели»).

В своём дневнике В.Ф. Лазурский отмечает, что Толстой «подбирает примеры из всемирной литературы» образцов «истинного» искусства. «Нашёл и может указать лишь несколько произведений В. Гюго, Диккенса, Достоевского, Шиллера...»

К ноябрю 1898 года относится письмо Толстого к жене С.А. Толстой, в котором он сообщает о вечерних чтениях вслух Фильдинга и Диккенса.

В ноябре 1903 года – письмо к доктору философии Генриху Ильбенштейну с выражением соболезнования о смерти (31 октября) Вильгельма Поленца, которого Толстой называет «большим писателем, соединившим в себе в равной степени все три свойства, нужные для писателя: всегда важное содержание, прекрасную технику и большую искренность... Это один из тех писателей, которые, как Диккенс, Гюго, переживут несколько поколений и будут оценены не одними соотечественниками».

Через год в ежедневнике С.А. Толстой значится: «Толстой читал вслух «Записки Пиквикского клуба» Диккенса и «очень смеялся».

Перейдём к следующему, 1905 году. В январе Толстой перечитывает Диккенса с целью найти что-либо подходящее для помещения в «Круг чтения» («Яснополянские записки»).

В беседе с корреспондентом английской газеты «Manchester Guardian» новозеландцем Г. Вильямсом шёл разговор об общественном движении в России и о литературе. Упоминаются: Диккенс («мировой гений»), Байрон, Горький, Чехов и др.

Февраль 1905 года. Беседа с А. де Вогюэ о литературе и живописи. Упоминаются: Золя, Франс, Ренан, Диккенс и Гюго (Толстой отдал предпочтение Диккенсу – «Гюго отталкивает уже своим пафосом»).

В это же время, сделав исправления в переводе В. Макулич стихотворения В. Гюго «Бедные люди», помещённом им в «Круге чтения», Толстой в письме к И.И. Горбунову-Посадову просит проверить перевод по подлиннику.

Апрель 1905 года – запись в дневнике Д.П. Маковицкого: «Л.Н. Толстой говорил о «недельных чтениях» «Круга чтения»: «Как трудно найти хорошее. У Диккенса всё нашёл...». Тем не менее, в эти же дни Толстой перечитывает «Историю двух городов» Диккенса.

И снова – запись в дневнике Д.П. Маковицкого слов Толстого: «Диккенс неподражаем для нашего брата. У него всегда образность, юмор... «Давид Копперфилд» – отделано; «Bleak House» («Холодный дом») – набросано. «Bleak House» – одно из лучших против суда... У Диккенса герои – бедные, забытые; лордов презирает. У Шекспира наоборот: дюки важны, мужик clown».

Там же (август 1905 года) записан отзыв Толстого о романе Диккенса «Martin Chuzzlewit» («Мартин Чезлвит»): «Нехорошее сочинение. Кроме одного, все недоброе характеры».

Месяц спустя (те же «Яснополянские записки») в разговоре о В. Гюго и Диккенсе Толстой сказал: «Я выделяю этих обоих писателей, потому что они на стороне угнетённых, уродов, бедных, страдающих...»

В октябре 1905 года Толстой в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона читает биографию Диккенса и находит, что «хорошо написано». О «Записках Пиквикского клуба» отозвался, что они написаны с веселостью, которая так и сияет из лиц». И в эти же дни: «Читаю Канта, пока не работаю, Герцена – полуотдых, Диккенса – отдых. Я прочёл его всего. Теперь читаю который раз «Копперфильда», сосу, как карамельку».

Через месяц – запись в дневнике Д.П. Маковицкого («Яснополянские записки»): «Л.Н. за обедом рассказывал смешные места из Диккенса и, рассказывая, сам смеялся до слёз. «Как хорош Диккенс. Хотелось бы о нём написать», – сказал Л.Н.» [27].

Из того же источника: в ноябре 1905 года Толстой читает Диккенса «American notes».

В августе 1908 года состояние здоровья Льва Николаевича ухудшилось. Видимо, это обстоятельство сказалось на чрезмерной взыскательности Толстого-читателя. Так, по прочтении «Our mutual Freind» («Наш общий друг») Диккенса, он отозвался категорично: «Очень плохо» [28].

Зато осенью того же года из «Яснополянских записок» Д.П. Маковицкого мы узнаём, что его (Толстого) «любимое английское сочинение – «Давид Копперфилд».

Приятно и справедливо закончить обзор отзывов Толстого о творчестве великого английского писателя его признанием Д.П. Маковицкому в феврале 1909 года: «Если бы я имел время, я написал бы о Диккенсе. Он доставил мне большую радость и имел на меня влияние».

У.М. ТЕККЕРЕЙ

В свои боевые годы знакомится Толстой с творчеством Теккерея (весна–лето 1855 года): читает романы «Жизнь Эсмонда», «Ярмарка тщеславия» и «История Пендениса».

Свидетельством интереса молодого Толстого к творчеству Теккерея является просьба Толстого в письме к Некрасову (июль 1856 года) прислать ему четвёртую часть романа Теккерея «Ньюкомы» на английском языке.

А вот исключительно интересное мнение (конечно, субъективное) И.С. Тургенева, который пишет В.П. Боткину о рассказе Л.Н. Толстого «Люцерн»: «Я прочёл небольшую его вещь, написанную в Швейцарии. Не понравилась она мне: смешение Руссо, Теккерея и краткого православного катехизиса» (август 1857 года).

Здесь без труда расшифровывается мысль Тургенева: от Руссо идёт высоконравственная идея (помогите бедному – формулировка Н.Г. Чернышевского: «чистота нравственного чувства»); от Теккерея – реалистическая детализация событий; а от «православного катехизиса» – заповедь: растворишься в заботах о ближних.

Зима 1890 года – разговоры с Г.А. Русановым о литературе. Упоминаются: Диккенс, Теккерея, Тrollop Джордж Элиот, Додэ, Чехов («Диккенс на верхней ступеньке, ступенькой ниже Теккерея, ещё ниже Тrollop и т.д.»).

И последнее свидетельство – зимой 1905 года: разговор с Д.П. Маковицким о писателях: о М. Твене Толстой сказал, что о нём он «невысокого мнения». О Теккерее – что «ему далеко до Диккенса».

Г. ГЕЙНЕ

Начнём с того, что в молодые годы на Кавказе (или в Крыму) Толстой переводил балладу Гейне. Какую – по дневниковой записи не известно...

Теперь перекинемся аж в 90-е годы – весной 1891 года Толстой вечером «читал Ибсена и Гейне». А в 1898 году сообщает сыну Льву Львовичу, что перечитывает Гейне. В том же году опять читает Гейне, а накануне (в начале февраля) декламировал наизусть одно из его стихотворений (дневник дочери Т.Л. Толстой-Сухотиной).

Тогда же В.Ф. Лазурский в своём дневнике сообщает, что Толстой «подбирает примеры из всемирной литературы» образцов «истинного» искусства... «Перечитывает, передумывает». «Причислить сочинения Гейне

к истинным произведениям искусства он не может, скорее причислил бы их к дурному искусству... У Гейне безотрадный пессимизм и цинизм, глумление над всеми и над собой, не смягчаемое любовью... Но тут же он прибавил, что недавно перечитывал Гейне и восторгался им, хотя объясняет это тем, что сам испорчен нашими искажёнными взглядами на искусство. У Гейне удивительное остроумие, необыкновенная ясность ума, когда он характеризует разные философские направления, «как не охарактеризует их ни одна история философии», «чрезвычайно умные изречения».

Август 1904 года. В «Русских ведомостях» появляется обширное интервью, данное Толстым немецкому журналисту Гуго Ганцу, посетившему его в январе 1904 года. Разговор о философии и литературе. В частности, Толстой особенно ценит «Германа и Доротею» Гёте, но лирические стихотворения Гейне произвели на него большее впечатление, чем стихотворения Гёте, который «занимается только эстетической игрой».

И, наконец, в октябре 1904 года в VI «Сборнике товарищества «Знание» были помещены стихотворения Скитальца: «Мы плыли с тобою навстречу заре», «От вашей мерзости спасался я в пустыне», «Легенда (по Гейне)»...

Г. ФЛОБЕР

Первое упоминание о Ф л о б е р е в творческой биографии Толстого связано с письмом к нему А.А. Фета в апреле 1877 года, где он делится своими впечатлениями от чтения глав «Анны Карениной», напечатанных в мартовской книжке «Русского вестника»: «Не говорю о мастерстве подробностей – руки болтаются, ламповое стекло чистит портрет и вьются красоты, *прекрасно* (курсив автора. – А.Н.) влюбился в Каренину и *нехорошо* (курсив автора. – А.Н.), и жена резко ударяет на всё это. Но какая художническая дерзость – описание родов. Ведь этого никто от сотворения мира не делал и не сделает. Дураки закричат о реализме Флобера, а тут всё идеально [29]. Я так и подпрыгнул, когда дочитал до двух дыр в мир духовный, в нирвану. Эти два видимых и вечно таинственных окна: рождение и смерть».

Спустя несколько дней в письме к Н.Н. Страхову Толстой отзывается о напечатанной в №4 «Вестника Европы» повести А.А. Потехина «На миру» («хороша») и о напечатанной там же «Католической легенде о Юлиане Милостивом» Г. Флобера в переводе Тургенева («мерзость», «возмутительная гадость»).

Январь 1880 года. Тургенев пишет Толстому из Парижа, цитируя выдержку из письма к нему Г. Флобера с хвалебным отзывом о «Войне и мире» во французском переводе. Флобер писал: «Это первоклассная вещь! Какой художник и какой психолог!.. Мне кажется, что кое-где есть места

шекспировские. Я вскрикивал от восторга во время чтения... а оно продолжается долго! Да, это сильно, очень сильно!».

Лето 1883 года – продолжительные беседы с Г.А. Русановым о литературе. В частности, о Флобере сказано мало: «M-me Bovary» Толстой забыл, но помнит, что, когда читал, «понравилось ему».

Весной 1892 года Толстой перечитывает Флобера «M-me Bovary» и в письме к жене С.А. Толстой хвалит этот роман: «имеет большие достоинства и недаром славится у французов».

И, наконец, в мае 1907 года в разговоре с Д.П. Маковицким о французских писателях Толстой сказал, что он «не уважает» «Флобера и Жорж Занд, – особенно, когда она писала и переживала романы. Но в старости у неё появилось нравственное чувство. Её письма лучше, чем Флобера».

Г. БИЧЕР–СТОУ

Летом 1854 года Толстой читает «Хижину дяди Тома» Бичер-Стоу (запись в дневнике).

В январе 1858 года в письме к Некрасову Толстой высказывает своё мнение о первом номере «Современника» за 1858 год: «Он очень плох». «Политическая и хорошая статья» (Н.Г. Чернышевского) «Кавеньяк» поставлена первой в книжке, чем нарушаются «традиции» «Современника». «Ася» Тургенева, по моему мнению, самая слабая вещь из всего, что он написал... Политический перец, рассыпанный повсюду и в приложении «Дяди Тома» («Хижина дяди Тома», роман Бичер – Стоу) нейдёт, по его мнению, «Современнику».[30].

В ноябре 1862 года получено цензурное разрешение 10-й книжки «Ясная Поляна» с рассказом Г. Брызгина (Г.И. Успенского) «Михалыч» и пересказом романа Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» под заглавием «Дядя Том».

Неожиданным образом коснулся Толстой знаменитого романа Бичер-Стоу в 1891 году. Осенью того же года он пишет Б. Зуттнер, французской публицистке, в ответ на её письмо от 16 октября (н. ст.) с вопросами относительно предполагаемого открытия в Риме третьего конгресса мира для установления международного третейского суда: «Я не верю, чтобы третейский суд был действенным средством для уничтожения войны». Отзывается о книге Зуттнер «Долой оружие!»: «Я очень ценю ваше произведение, и мне приходит мысль, что опубликование вашего романа является счастливым предзнаменованием. Отмене невольничества предшествовала знаменитая книга женщины, г-жи Бичер-Стоу; дай Бог, чтобы ваша книга предшествовала уничтожению войны».

И заключительный аккорд уважительного отношения к роману английской писательницы мы слышим в лето 1894 года. Толстой перечитывает «прекрасную книгу Г. Джорджа «The perplexed Philosopher» («Запутавшийся философ»), благодаря которой Толстой «очень живо сознал вновь грех владения землёй». «Как нужно бы писать об этом – написать новый «Uncle Toms Cabin» («Хижину дяди Тома») [31].

У. УИТМЕН

В июне 1877 года Толстой получил книгу «нелепых стихов» Уолта Уитмена (дневник) [32].

Осень 1889 года – продолжение чтения Уитмена: «Много напыщенного, пустого; но кое-что уже я нашёл хорошего, например: «Биография писателя» (дневник).

Лето 1890 года отмечено явным потеплением отношения Толстого к Уитмену: нуждавшемуся в переводах близкому ему по взглядам Л.П. Никифорову Толстой рекомендует перевести, в частности, стихи Уитмена («Leaves of Grass» – «Листья травы») – и весьма оригинального и смелого поэта».

А вот через 10 лет, летом 1900 года, мы узнаём о таком возможном признании Толстого. Американский журналист Эдуард Гарнет обратился к Толстому с просьбой написать «обращение к американскому народу». Толстой ответил так: «Если бы мне пришлось обратиться к американскому народу, то я постарался бы выразить ему свою благодарность за ту большую помощь, которую получил от его писателей, процветавших в пятидесятых годах. Я бы упомянул Гаррисона, Паркера, Эмерсона, Баллу и Торо, не как самых великих, но как тех, которые, я думаю, особенно повлияли на меня. Среди других имён назову: Чаннинга, Уитнера, Лоуэла, Уолта Уитмена – блестящую плеяду, подобную которой редко можно найти во всемирной литературе...»

В то же время, спустя 7 лет, Толстой, читая Уитмена, в записной книжке делает замечание: «нехорошо комментировать эту оценку трудно».

И зимой 1907 года (декабрь) – очень приятное для нас впечатление Толстого, когда он читал вслух отрывки из «The Leaves of Grass» («Листья травы») У. Уитмена. Отзыв Толстого об Уитмене: «Поэт очень интересный; он философский поэт. Он был разбит параличом и, несмотря на это, был жизнерадостен. Он очень мелко известен в России, а он значительно всех». («Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого).

Б. ШОУ

Октябрь 1905 года. В.Г. Чертков пересылает Толстому письмо Б. Шоу от 2 августа, написанное им В.Г. Черткову в связи с изложением Чертковым в письме к Шоу содержания статьи Толстого «О Шекспире и о драме».

В ноябре 1905 года В.Г. Чертков пересылает Толстому копии двух писем Б. Шоу от 3 и 19 ноября, написанных им Черткову в связи с изложением статьи Толстого «О Шекспире и о драме» и заключающих возражения на статью Толстого, а также указания на ряд ошибок в переводе текстов Шекспира и неправильное толкование отдельных мест его драм.

По получении от В.Г. Черткова при письме от 21 ноября копий писем Б. Шоу, Толстой пишет Черткову: «Шекспира мне не присылайте, а печатайте как он есть. Если есть те blunders (промахи), о которых говорит Шоу, исправьте их сами».

Интерес к творчеству Б. Шоу не ослабевает. В январе 1907 года он читает его драму «Man and Superman» («Человек и сверхчеловек»). Отзыв Толстого: «искусственно, пошло», «ужасно остроумно и дурного вкуса... Он говорит о серьёзных вопросах, а одной какой-нибудь шуткой свернёт в сторону, и теряешь всякое уважение к нему».

В эти же дни Толстой читает статью Б. Шоу «The Revolutionist's Handbook and Pocket Companion by John Tanner, M.I.R.C. (Member of the Idle Rich Class)» («Руководство революционера и записная книжка Джона Таннера, члена праздного богатого класса»). Главу из этой книги «Прогресс как иллюзия») Толстой назвал «хорошей».

В записной книжке Толстой применяет к Б. Шоу слегка изменённую фразу (обращение статуи Командора к Дон-Жуану) из его драмы («У него больше ума, чем это для него полезно»).

Весной того же года в разговоре (с Д.П. Маковицким) – отзыв Толстого о Б. Шоу: «Мысли у него низменные; он такой парадоксалист».

В январе 1908 года – чтение Б. Шоу. Отзыв Толстого: «Он поражен своей пошлостью. У него не только нет ни единой своей мысли, понимающейся над пошлостью городской толпы, но он не понимает ни одной великой мысли прошлых мыслителей. Вся его собственность в том, что он самые избитые пошлости умеет высказать самым изысканно-извращённым, новым способом, как-будто он говорит что-то своё, новое. Главная черта его – это ужасающая самоуверенность, равняющаяся только его полному философскому невежеству» (дневник, 31 января).

Весной 1908 года – чтение книги Б. Шоу «The Impossibility of Anarchism» («Невозможность анархизма»). Отзыв Толстого о Б. Шоу: «Очень умно. Он за социализм против анархизма. Мне это очень интересно. Его драмы, рассказы и особенно статьи очень талантливы» (Д.П. Маковицкий).

В апреле того же года – интересный отзыв о Б. Шоу: «Тоже социалист, узкий человек».

И вот – серьёзный разговор. Письмо к Б. Шоу о его книге «Men and Superman» («Человек и сверхчеловек»), London, 1906: «первый её недостаток в том, что вы недостаточно серьёзны. Нельзя шуточно говорить о таком предмете, как назначение человеческой жизни, и о причинах его извращения и того зла, которое наполняет жизнь нашего человечества... Второй упрек в том, что вопросы, которых вы касаетесь, имеют такую огромную важность, что людям с таким глубоким пониманием зол нашей жизни и такой блестящей способностью изложения, как вы, делать их только предметом сатиры, часто может более вредить, чем содействовать разрешению этих важных вопросов. В вашей книге я вижу желание уди-

вить, поразить читателя своей большой эрудицией, талантом и умом. А между тем всё это не только не нужно для разрешения тех вопросов, которых вы касаетесь, но очень часто отвлекает внимание читателя от сущности предмета, привлекая его блеском изложения».

Август 1908 года – приезд в Ясную Поляну библиотекаря Британского музея Ч.Т. Райта с адресом, подписанным более чем 800 английскими писателями, художниками, артистами, музыкантами, учёными и общественными деятелями. Среди них – Б. Шоу.

В апреле 1909 года на вопрос нью-йоркского банкира и музыканта Кисселя, правнука миллионера Вандервильта, какого он мнения о Б. Шоу, Толстой ответил, что он ему не нравится. «Он старается быть эксцентричным, неестественным» (Д.П. Маковицкий).

И в то же время осенью того же года, слушая изложение приехавшим к нему физиком А.В. Цингером содержания драмы Б. Шоу «Цезарь и Клеопатра», Толстой сказал ему: «Вы меня заинтересовали Бернардом Шоу. Он очень остроумный и самобытный. Это один из крупных современных писателей».

А вот – нонсенс. В марте 1910 года Толстой получает письмо Б. Шоу от 14 февраля н.ст. и его пьесы «The shewind u/o of Blanko Posnet: a sermon in crude Melodrama», London, 1909. Помета Толстого на конверте письма: «Умное-глупое» («Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого).

Чтение драмы Б. Шоу «The shewind u/o of Blanko Posnet». Отзыв Толстого: «Грубо, фальшиво, сентиментально».

Через месяц Толстой пишет письмо Б. Шоу в ответ на его «остроумное» письмо от 14 февраля н.ст. и приписку его новой пьесы «The shewind u/o of Blanko Posnet: a sermon in crude Melodrama». Толстой сообщает Шоу, что пьесу он «прочёл с удовольствием»; сюжет ему «вполне сочувственен», но вместе с тем упрекает Шоу за недостаточную серьёзность его пьесы. По мнению Толстого, «вопросы о Боге, о зле и добре слишком важны для того, чтобы говорить о них шутя».

И, наконец, в мае 1910 года по поводу драмы Б. Шоу «The shewind u/o of Blanko Posnet» Толстой сказал: «Как глупа драма Шоу о Наполеоне... Всё остроумно и глупо. Всё искусственно, что они говорят, – не то, что они могли говорить... Шоу – типичный англичанин».

Комментарии здесь излишни...

Г.Д. УЭЛЛС

В ноябре 1906 года Толстой получает письмо Г. Уэлла: «Мой друг Эйльмер Моод сказал мне, что вам интересно будет просмотреть две-три моих книжки... Теперь я посылаю вам рассказ «Lowe and Mr. Lewisham», сборник коротких рассказов «The Plattner story», роман «The war of the worlds» и книгу социологических рассуждений «A modern Utopia»... Ду-

маю, что я прочёл около восьмидесяти ваших произведений, все, которые можно было достать на английском языке. «Война и мир» и «Анна Каренина», на мой взгляд, самые великолепные и всеобъемлющие произведения из всех тех, которые я имел счастье прочесть».

В то же время по поводу книги «The Falling stor» и других книг Уэллса, которые имели большой успех, Толстой сказал, что он «ужасно не любит все эти книги, потому что это – фантазмагория, нагромождение небылиц на небылицы» («Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого).

В том же декабре Толстой прочёл три главы из «Future in America» Г. Уэллса и сказал: «Неинтересно, больше не буду».

И уже известный нам факт о приезде в Ясную Поляну библиотекаря Британского музея Ч.Т. Райта с адресом, подписанным более чем 800 английскими писателями, художниками, артистами, музыкантами, учёными и общественными деятелями. Среди них – Г. Уэллс.

Г. де МОПАССАН

В ноябре 1883 года Толстой пишет жене, что забыл в Москве роман Ги де Мопассана «Une vie» («Жизнь»). «Читайте её покамест и спрячьте») [33].

А вот летом 1884 года – отзыв критический (в дневнике): «Забирает мастерство красок, но нечего ему, бедному, писать».

В апреле 1888 года Толстой посылает В.Г. Черткову «фельетон Мопассана» (рассказ, напечатанный под заглавием «Месть» в «Русских ведомостях» за 1888 год, №103 от 14 апреля), который «хорошо бы напечатать хоть в «цветнике» (письмо к В.Г. Черткову) [34].

Декабрь 1889 года – чтение «прекрасно написанного» («хотя и грязная тема») романа Мопассана «Fort comme la mort» («Сильна, как смерть»).

В октябре 1890 года Толстой исправляет перевод рассказа Ги де Мопассана «La port», сделанного А.М. Новиковым [35]. В эти же дни Толстой переводит открытки о войне из сочинений Мопассана («Sur l'eau»), Рода («Le sens de la vie») и Вогюэ («A travers l'exposition») [36].

В декабре того же года – разговоры с Г.А. Русановым о литературе. В частности, о Чехове – «у него сходство с Мопассаном и большой талант».

Начало 1891 года. А.С. Суворин пишет В.Г. Черткову, что он согласен напечатать в «Новом времени» переделку Толстого рассказа Мопассана «La port», лишь «кое-где смягчив выражения, например: вместо «девка» иногда употребить слово «женщина», вместо «похоть» сказать как-нибудь иначе... и позволить Франсуазе не сидеть верхом на коленке, хоть у Мопассана это так же». Кроме того, Суворин просит изменить «невозможное» заглавие – «Обычное удовольствие молодых людей» – на более короткое: «Сёстры, например» [37].

В те же дни Н.С. Лесков пишет Толстому, что А.С. Суворин, получив от В.Г. Черткова рассказ, написанный Толстым по Мопассану («У девок»), для помещения в «Новом времени» с условием «не изменять ни одного слова», просит изменить только одно слово – именно слово: девка, имеющее у нас очень резкое значение. Я думаю, что эту уступку надо сделать».

В январе 1893 года написано небольшое предисловие к книге: «Сочинения Ги де Мопассана, избранные Л.Н. Толстым», перевод Л.П. Никифорова, М., 1893.

Осенью того же года дочь Толстых Т.Л. Толстая посылает Л.П. Никифорову для включения вготавливаемый им к печати сборник переводов рассказов Мопассана сделанный Толстым перевод рассказа «Un échec» под заглавием «Не удалось».

Через год в беседе с Ю.А. Веселовским Толстой высказывает своё мнение о Мопассане: «По моему мнению, Мопассан после Виктора Гюго – лучший писатель новой эпохи. Я его очень люблю и ставлю выше всех его современников... Нужно установить правильную точку зрения на Мопассана... это единственный писатель, который понял и воссоздал всю отрицательную сторону отношений между женщиной и мужчиной... Никто с такой меткостью и художественностью, как он, не изображал все страдания, все душевные муки, порождаемые низменным отношением к женщине».

Работа над предисловием к рассказам Ги де Мопассана.

Март 1894 года. Толстой «бросил» первую редакцию предисловия к рассказам Мопассана, потому что Мопассан ему «стал противен своей нравственной грязью», и начал писать вновь, стремясь высказать то, что он думает об искусстве. «Надо показать, что есть истинно прекрасное и что условное. Сколько раз я возвращался к этому предмету и всё не умею его ясно высказать. Должно быть, ещё во мне неясно. А предмет такой важности, что скрасть неясности и не хочется».

Работая над предисловием к рассказам Ги де Мопассана, Толстой читает книги по эстетике: J. Guyau, «L'art au point de vue sociologique» («Искусство с точки зрения социологии») – «много хорошего»; Knight, «Philosophy of the beautiful» («Философия прекрасного») – «прекрасная книга» и др.

Татьяна Львовна Толстая пишет С.А. Толстой из Парижа: «Вчера вечером был у нас Desjardins (Дежарден), очень интересный человек, рассказывал про Мопассана, которого он хорошо знал. Говорил, что раз они пообедали вместе и шли домой по бульварам и говорили о Толстом. Мопассан читал только «Войну и мир» и «Анну Каренину», и Дежарден ему посоветовал прочесть «Смерть Ивана Ильича», которую он только что прочёл и от которой был в восторге. Он в нескольких словах передал ему содержание. После этого Мопассан замолчал, взял его под руку, и они долго шли молча. Потом Мопассан стал говорить, что вся его деятельность никуда не годится, что он прожил пустую, ненужную жизнь, лучше было бы, коли бы он был cultivateur, и просил прислать ему «Смерть Ивана Ильича».

Это была последняя книга, которую он прочёл. Через пять-шесть дней он сошёл с ума».

Сын Толстых Лев Львович пишет своей матери С.А. Толстой: «О Мопассане поразительно то, что рассказала вам, верно, Таня. И как жалко, жалко его бедного. Может быть, если бы месяцем раньше он прочёл или общался с человеком, могущим дать ему то, чего ему не хватало, он был бы спасён» [38].

Всё в том же марте того же 1894 года Толстой пишет Л.П. Никифорову: «С предисловием Мопассану я всё никак не могу справиться. Было время недавно, что я взялся за него: всё перемарал и запутался, и увлёкся в вопросы эстетики, и отложил».

2 апреля 1894 года – авторская дата под печатным текстом предисловия к рассказам Ги де Мопассана.

В конце апреля читаются корректуры предисловия к рассказам Мопассана.

В середине июня в издании «Посредника» выходит роман Ги де Мопассана «Монт-Ориоль» с предисловием Толстого. А в конце этого месяца В.В. Стасов пишет Толстому восторженное письмо по прочтении его «нового шедевра» – предисловия к сочинениям Мопассана.

Но Толстой остаётся Толстым: любое отклонение художника от нравственных норм не проходит незамеченным. Вот, скажем, в том же году, осенью, Лев Николаевич пишет Е.И. Попову: «Le vaqabond» («Бродяга») Мопассана... очень груб, и слишком жестокими представляет людей, а сцена бродяги с женщиной – гадка» [39].

В конце 1897 года, пишет в своём дневнике С.А. Толстая, Лев Николаевич рассказывает случай, произошедший в Кремле. К умирающей женщине – роженице, жене офицера, был приглашён иеромонах Чудова монастыря. Окончив обряд, он поговорил с мужем о положении больной и, так как он сам когда-то был врачом – хирургом, вызвался сделать женщине операцию, которая могла спасти её жизнь. Операция была сделана, но за нарушение монастырского устава иеромонах был переведен в дальний монастырь.

Толстой высказал мнение, что этот случай мог бы послужить хорошей темой для рассказа такому писателю, как Мопассан. Он и сам готов воспользоваться данным фактом как темой художественного произведения [40].

Начало 1901 года. В письме к брату Сергею Николаевичу Толстой рекомендует ему «Les dimanches d'un bourgeois de Paris» («Воскресные прогулки парижского буржуа») Мопассана – «хорошо написано и забавно».

Весна 1903 года. Пьесу О. Мирбо «Les affaires sont les affaires» назвал «настоящим драматическим произведением». Общий отзыв Толстого о Мирбо: «Он напоминает мне Мопассана. Бодрый, правдивый и сильный талант».

Два года спустя Д.П. Маковицкий записывает в дневнике: «Л.Н. говорил о «недельных чтениях» «Круга чтения»: «Как трудно найти хорошее. У Диккенса всё не нашёл. У Мопассана есть много хорошего, «но одно «Одиночество» совсем хорошее».

В начале 1906 года запись в дневнике Д.П. Маковицкого: «Л.Н. Толстой дал Ю.И. Игумновой прочесть написанный им по Мопассану рассказ «Франсуаза» и через несколько дней спросил её, как ей понравился рассказ, и прибавил восторженно-умилённым голосом: «Я это без волнения не могу читать никогда».

Осень 1909 года – чтение рассказов Ги де Мопассана «Le pain maudit» и «Le petit fût».

В декабре 1909 года – чтение в № 63–70 «Утра России» за 20 декабря рассказа Мопассана «Страх». Толстому рассказ не понравился (Д.П. Маковицкий, «Яснополяanske записки»).

А вот в августе 1910 года Толстой перечитывает в «Круге чтения» «чудесный рассказ Мопассана «Одиночество».

Осень 1910 года. Толстой читает рассказы Мопассана «Семья» – «прелесть» (дневник).

Под впечатлением чтения Мопассана запись в дневнике: «Ночью очень хорошо ясно думал о том, как могло бы быть хорошо художественное изображение всей пошлости жизни богатых и чиновничьих классов и крестьянских, рабочих, – и среди тех и других хоть по одному духовно живому человеку. Можно бы женщину и мужчину. О, как хорошо могло бы быть. И как это влечёт меня к себе. Какая могла бы быть великая вещь. И вот именно задумываю без всякой мысли о последствиях, какие и должны быть в каждом настоящем деле, а также и в настоящем художественном. О, как бы могло быть хорошо».

В октябре 1910 года, за месяц до смерти, Толстой ещё разговаривает о Мопассане (запись В.Ф. Булгакова). Толстой сказал: «У него были задатки глубокой мысли, наряду с этой распушенностью половой. Он удивительно умел изображать пустоту жизни, а уметь это может только тот, кто знает нечто, вследствие чего жизнь не должна быть пустой. Вот, как Гоголь, например. Удивительный писатель!»

На этом и закончим интересный экскурс во взаимоотношения двух писателей России и Франции – признанного гения и молодого таланта – в их, соответствующем времени, сопоставлении традиционного, классического – и нового, обновлённого.

Р. РОЛЛАН

Апрель 1887 года – письмо к Толстому ученика Высшей нормальной школы в Париже Р о м е н а Р о л л а н а с выражением страстного восхищения» перед творениями Толстого и с вопросами о смысле жизни и смерти и о назначении искусства.

В сентябре того же года ученик Высшей нормальной школы в Париже Ромен Роллан вторично обращается к Толстому с вопросами об истине, о благе, о самопожертвовании, о труде ручном и умственном, о путях избавления от страданий и сомнений.

В ноябре 1888 года – неудачные попытки исправления написанного в 1887 году письма Ромену Роллану о ручном труде для напечатания в газете «Неделя» (письмо к П.И. Бирюкову). А 20 ноября 1888 года – появление в № 46 газеты «Неделя» (с. 1461–1465) русского текста написанного в октябре 1887 года письма Толстого к Ромену Роллану.

21 июля 1901 года Толстой получает письмо Р. Роллана, вызванное сообщениями о болезни Толстого: «Я не могу выразить того отчаяния, которое вызвала во мне ваша болезнь, и утешения, которое мне принесло известие о том, что вы чувствуете себя лучше... Оставайтесь ещё долгое время с нами. Никогда ещё ваш разум, ваша правда, ваша независимость и крепкое умственное здоровье не были более необходимы, чем в настоящий момент, когда вся Европа представляется потерявшей чувство правды, справедливости и здравого смысла».

В августе 1906 года Толстой читает присланную автором книгу Романа Роллана «La vie de Michel Ange» («Жизнь Микель-Анджело»). Отзыв об этой книге: «Он (Роллан. – А.Н.) очень слабый писатель» («Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого).

Но в то же время советует близким читать эту книгу Р. Роллана, считая Микель-Анджело «чистым художником, хорошим».

А. ФРАНС

Март 1903 года – чтение «Les opinions socialistes» Анатоля Франса.

В апреле того же года в письме к М.Л. Оболенской (дочери) Толстой рекомендует ей повести Р. Тёпфера и рассказ А. Франса «Кренкебиль».

Тогда же А. Франса, наряду с О. Мирбо, Толстой ставит «очень высоко».

В июле Толстой посылает брату книгу А. Франса «Historie comigve», которая «противна своей грязью, но очень не только остроумна, но и умна».

Февраль 1905 года – разговор с Вогюэ о литературе и живописи. Упоминаются из писателей: Золя, Ренан, Диккенс, Гюго. Из русских – Пушкин, Лермонтов, Тютчев, затем («падение»): Фет, Майков, Полонский, Апухтин, декаденты. Среди них – А. Франс: «У него есть хорошие вещи, но с его материализмом и социализмом я не согласен». Вот так!

В августе 1906 года Толстой читает книгу А. Франса «Sur la pierre blanche» («На белом камне»). Оценка неизвестна («Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого).

По воспоминаниям С.Т. Семёнова, (август 1906 года) Толстой говорил о французском журналисте П. Буайе (приехавшем вместе с Семёновым): «Поразительная самоуверенность... думают, что вот они сделали несколько революций, установили республиканское правление и достигли всего, что нужно людям, а загляните к ним, и вы увидите, что и у них не лучше, чем у других. Та же нищета, безнравственность, суеверие, видимое разложение общества... Вообще французы мельчают. Кого они имеют в литературе? Один Анатоль Франс выдаётся как мыслящий писатель».

В сентябре 1907 года Толстой читает вслух гостям и семейным из «Круга чтения» рассказы – А. Франса «Уличный торговец» и Чехова «Беглец».

Зимой 1907 года: чтение вслух Герцена и рассказа А. Франса «Où, Monsieur».

Апрель 1908 года – разговор о современных зарубежных писателях, в том числе и об Анатоле Франсе: «Не дурён, но нового не говорит».

В мае 1908 года в разговоре о «Кренкебиле» А. Франса Толстой сказал: «Вот кого из литераторов я хотел бы видеть: Франса» (дневник Н.Н. Гусева).

В июле Толстой читает роман А. Франса «Июкаста». Отзыв: «Написано с обычным мастерством, но в общем плохо».

В сентябре – запись в дневнике Д.П. Маковицкого слов Толстого: «У французов теперь нет больших писателей. Анатоль Франс меня пленил своим «Кренкебилем»; потом читал другие вещи – слабо»).

В ноябре 1908 года Толстой читает книгу А. Франса «L'île de Pinquins» («Остров пингвинов») – «скучно» (Д.П. Маковицкий).

Летом 1909 года читает книжку: А. France «Les sept femmes de la Barbe Bleue et autres contes merveilleux» («Семь жён Синей Бороды и другие чудесные повести»), Paris, s.d. Calmann – Levy. Отзыв Толстого: «Сперва живо, интересно, в конце скучно».

И в то же время Толстой читает вслух некоторые понравившиеся ему места из книжки А. Франса «Les sept femmes de la Barbe Bleue»: про докторов, про женщин и их кофточки и конец сказки «Царская рубашка» – про дурачка, живущего в дупле дерева, у которого ищут рубашку для царя» («Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого).

Г. ИБСЕН

Весна 1891 года. Вечером 1 марта Толстой «читал Ибсена и Гейне» (дневник).

Осенью того же года в письме Г.П. Ганзену в ответ на его вопрос о норвежских писателях Толстой называет «очень хорошей и интересной вещью» роман Бьёрнстерне Бьёрнсона «Новые веяния» и «хорош» его роман «In God's Way» («На божьем пути»), драмы же Ибсена, по мнению Толстого, «все выдуманы, фальшивы и даже очень дурно написаны в том

смысле, что все характеры неверны и не выдержаны. Репутация его в Европе доказывает только страшную бедность творческой силы в Европе. То ли дело Киркегор и Бьёрнсон, хотя и различные по роду писаний, но оба имеют ещё главное качество писателя – искренность, горячность, серьёзность. Серьёзно думают и говорят то, что думают».

Весна 1894 года. Толстой с удовольствием остаётся ночевать у Г.А. Русанова и беседует с ним о литературе и искусстве. Упоминаются: Писемский, Гончаров, Достоевский, Белинский, Писарев, Диккенс и Гюго, Гёте, Ибсен («не нравится»).

Февраль 1897 года – посещение Толстого на квартире А.В. Олсуфьева А.С. Сувориным. В разговоре о литературе Толстой высказал своё мнение о «Чайке» Чехова, что «это вздор, ничего не стоящий, что она написана, как Ибсен пишет. Нагромождено чего-то, а для чего оно, неизвестно». Лучшее в «Чайке» – монолог писателя, «это автобиографические черты»; «но в драме он неуместен».

Январь 1900 года. В № 8574 «Нового времени» в разделе «Среди газет и журналов» напечатан из «Русского листка» разговор корреспондента этой газеты Орлицкого с Толстым. Относительно пьесы Ибсена «Когда мы, мёртвые, пробуждаемся» Толстой сказал: «Да это бог знает что! Какой-то бред!». Толстой высказал своё сочувствие бурам, борющимся с англичанами, и сказал: «Я доходил вот до чего. Утром, взяв в руки газеты, я страстно желал всякий раз прочесть, что буры побили англичан... Теперь этого нет, я превозмог себя».

В октябре 1900 года Толстого посещает Вл.И. Немирович-Данченко. До этого посещения он виделся с Толстым трижды. Впервые он пришёл к Толстому через несколько дней, занеся ему книжку Ибсена «Доктор Штокман» («Враг народа»). Затем Толстой посетил Немировича-Данченко на его квартире в «переулке на Мясницкой», возвратив ему полученную книжку, о которой отозвался: «Нехорошо. Очень уж он, этот доктор Штокман, чванный».

С Вл.И. Немировичем-Данченко Толстой беседует о Г. Ибсене. «Опять он (Толстой) его бранил, говорил, что эту пьесу «Когда мы, мёртвые, пробуждаемся» прочитал, и опять она ему не понравилась».

Посещение Толстого Л.А. Сулержицким и В.Э. Мейерхольдом. Разговор о театре и о пьесах. Слова Толстого: «Средние драмы Потехина лучше Чехова, Горького и других... Метерлинк, Ибсен, даже Бьёрнсон – одна неясность, путаница, бесцельная игра на чувствах...».

Г. ГАУПТМАН

В зиму 1895/96 года Толстой побывал в народном театре на фабрике Прохорова в Москве... На вопрос фабриканта, какие пьесы ставить для рабочих, Толстой советовал поставить «Ткачей» Гауптмана, «но их, конечно, не разрешат».

Январь 1895 года. Встреча Толстого с В.Д. Бонч-Бруевичем в редакции «Посредника». Толстой расспрашивает его о партийной подпольной работе. Бонч-Бруевич передаёт Толстому экземпляр русского перевода «Ткачей» Гауптмана, в то время распространявшийся в гектографированном виде.

В феврале 1900 года О.Л. Книппер – пишет А.П. Чехову: «Был у нас Толстой на «Одиноких» (Г. Гауптмана; спектакль состоялся 16 февраля) – страшно остался доволен, сказал, что дамы у нас лучше мужчин».

Софья Андреевна Толстая пишет сыну Льву Львовичу Толстому: «Были в театре, смотрели пьесу Гауптмана «Одинокие». Сначала пьеса Льву Николаевичу понравилась, но потом он остался недоволен, и ему самому захотелось написать пьесу».

В апреле того же года у Н.И. Стороженко Толстой слушает чтение пьесы Октава Мирбо «Дружные пастыри». Он находит, что «жидковато по сравнению с «Ткачами» (Гауптмана)».

Осенью 1905 года во время посещения Толстого Л.А. Сулержицким и В.Э. Мейерхольдом произошёл разговор о театре и о пьесах. В частности, о Гауптмане Толстой сказал: «В «Ткачах» Гауптмана есть что-то... другие его пьесы – путаница, плохие...».

И как оптимистический аккорд звучат слова телеграммы Г. Гауптмана Толстому к его 80-летию: «Dem grossen Mann in tiefster Bewunder – und den Ausdruck wärmster Wunsche» («Великому человеку в глубочайшем изумлении выражение самых тёплых пожеланий»).

Э. ЗОЛЯ

В декабре 1882 года Толстой получает от М.Е. Салтыкова-Щедрина ответ на его письмо с предложением напечатать в «Отечественных записках» сделанный кем-то из знакомых Толстого перевод романа Э. Золя. Салтыков пишет, что романов Золя он в «Отечественных записках» печатать не будет... [41].

Лето 1885 года. Отзыв Толстого о романе Э. Золя «Жерминаль»: «Такая богатая тема – и обработана так плохо. Пропать ненужного, ложного» (дневник И.М. Ивакина).

В ноябре того же года в письме к В.Г. Черткову даёт отзыв о переделке М.К. Цебриковой эпизода из романа Э. Золя «L'assommoir», озаглавленной «Жервеза, рассказ из жизни рабочего люда»: «очень хорошо».

А вот отклик Э. Золя на драматургию Толстого. Февраль 1888 года. Первая постановка на сцене драмы Л.Н. Толстого «Власть тьмы». Переводчик И. Павловский писал про её постановку: «Метенье (другой переводчик) прочитал пьесу актёрам «Свободного театра». На этом чтении присутствовало довольно много друзей этого театра и, между прочим, Эмиль Золя. В нём мы встретили самого горячего энтузиаста «Власти тьмы»; он

защищал её и подготовлял её успех, как будто бы это было его собственное произведение. Главное, – повторял Золя, – не выбрасывайте ни одной сцены, ни одного слова и не бойтесь за успех». Играть в этой пьесе хотя бы самую ничтожную роль все считали за великую честь».

В феврале 1888 года – беседы с Г.А. Русановым о литературе. В частности, упоминается роман Э. Золя «La terre» («есть недостатки, но в этом романе в первый раз мы видим настоящего реального французского крестьянина», «большой талант».

Май 1893 года. Чтение в «Русских ведомостях» речи Э. Золя к студентам, которым он рекомендовал труд и занятия наукой [42].

В июле 1893 года Толстой пишет жене: «Утром пишу, поправляю по-русски и французски статью о Золя и Дюма («Неделание»), а вечером езжу.

А осенью того же года Толстой пишет Н.С. Лескову: «Вся наша беллетристика всех этих Потапенков положительно вредна. Как они напишут что-нибудь не безнравственное, то это нечаянно... Я давно уж подумал, что вся эта беллетристика со включением, и очень, всех Золя, Бурже и т.п. есть бесполезная пакость, а теперь это стало для меня полной несомненностью».

Летом 1894 года разговоры с Н.Н. Страховым и В.Ф. Лазурским. В частности, об иностранных писателях: «Паскаля» Золя – «так и не одолел, хотя перечитал почти все его романы».

Осенью 1902 года с П.А. Сергеевко заговорили о смерти Золя. Лев Николаевич говорил о нём с добрым чувством, но сказал, что у Золя было много дидактики. «Из-за этого я не любил его».

Зимой 1905 года – разговор с Вогюэ-сыном о литературе и живописи. Упоминаются из писателей: Золя (Толстой «читал его только «Germinal» и «La terre»), А. Франс, Диккенс и Гюго... Пушкин, Лермонтов, Тютчев и др.

В мае 1907 года в разговоре с Д.П. Маковицким о Золя Толстой сказал, что первое, что он читал из его сочинений, было «La conquête de Plas-sans» («Завоевание Плассана»): «Читал, читал, скука такая, бросил».

Ничего не поделаешь: это Лев Толстой!..

П. ВЕРЛЕН

Из песни слова не выкинешь.

В феврале 1896 года с Б.Н. Чичериным состоялся у Толстого разговор о декадентах. «О поэте В е р л е н е – Толстой не понимает, почему о нём пишут. Он читал его. По поводу декадентов сказал об интеллигентном обществе: «Это поразительная вошь на народном теле, а её ещё утешают литературой».

В октябре 1897 года Толстой просит жену С.А. Толстую достать в Москве у Н.И. Стороженко стихотворения Бодлера и Верлена (для статьи «Что такое искусство?») [43].

М. МЕТЕРЛИНК

Июнь 1894 года. В.Ф. Лазурский записывает в дневнике: «Лев Николаевич знаком с ними (декадентами), читал Бодлера, М е т е р л и н к а; говорит, что некоторые вещи у них не лишены интереса и своеобразной красоты; но вообще называет это движение болезненным и радуется, что оно у нас не прививается».

В январе 1897 года Толстой читает вслух отдельные места из новой драмы Метерлинка «Аглавена и Селизета», к которым относится резко отрицательно (А.Б. Гольденвейзер).

Интересное сопоставление. Осенью 1905 года Толстой на вопрос М.С. Сухотина, какого он мнения о сборнике стихов Александра Добролюбова «Из книги невидимой», ответил: «Глупости, актёр, принадлежит к тем, которые хотят удивлять. Швыряет словами, как попало, чего в художественном произведении нельзя так же, как в религии, философии. Он – как Метерлинка; но у него намерения хорошие... У него прекрасное лицо, он здесь был».

В это же время Толстого посещают Л.А. Сулержицкий и В.Э. Мейерхольд. Говорят о театре, о пьесах. Слова Толстого: «Средние драмы Потемина лучше Чехова, Горького и других... Метерлинка, Ибсен, даже Бьёрнсон – одна неясность, путаница, бесцельная игра на чувствах...».

А вот – неожиданный пассаж и для Толстого, и для нас. В январе 1907 года Толстой «огорчился», прочитав в №18 «Русских ведомостей» за 24 января заметку «Шекспир, Толстой и Метерлинка» (записная книжка) [44].

Спустя полгода, в июне 1907 года – запись в дневнике Д.П. Маковицкого: «На чьи-то расхваливания Метерлинка Л.Н. сказал: «Ваш Метерлинка искусственен»».

В августе 1908 года Толстой читает «Исповедь» Горького. Отзыв Толстого: «Это что-то невообразимое! Это набор слов вроде Метерлинка, Бальмонта. Все лица одинаковые, одинаково говорят, выдуманные положения» [45].

ПРИМЕЧАНИЯ

к Части I

1. Глагол прошедшего времени «любил» следует понимать, учитывая преклонный возраст Льва Толстого в это время (1905 год), то есть он не меняет своей позиции по отношению к Гомеру, а как бы подводит итог целой жизни, в которой Гомер занимал значительное место.
2. См.: *Н.Н. Гусев*. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. – М.: АН СССР, 1963. – С. 225–226.
3. Очевидно, речь идёт о знаменитой «Поэтике» Аристотеля.
4. Французская писательница Генриетта Гизо-Витт, автор нескольких сочинений по религиозным вопросам.
5. См.: *Л.Д. Опульская*. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1892 по 1899 год. – М., 1998. – С. 352.
6. Это предисловие разрастается в большую статью-книгу «О Шекспире и о драме» (1903–1904).
7. Имеется в виду максима Н. Буало из его «Поэтического искусства»:
*«Рифма не должна
со смыслом быть в разладе».*
8. Здесь говорится о книжке А.И. Орлова «Французский учёный Влас Паскаль, его жизнь и труды». Толстому принадлежит в этой книжке выбор и расположение мыслей Паскаля.
9. Замысел остался неосуществлённым.
10. См.: *Н.Н. Гусев*. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого: 1828–1890. – М.: ГИХЛ, 1958. – С.30.
11. Вероятно, «Этюды о Ж.-Ж. Руссо» А. Алексеева. (См.: *Н.Н. Гусев*. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого: 1891–1910. – М.: ГИХЛ, 1960. – С.92).
12. «Своя драма» – «И свет во тьме светит», начатая в 1896 году.
13. Вероятно, эти книги нужны были Толстому для его работы над статьёй об искусстве.

к Части II

14. Оправдывалось, таким образом, предвидение Толстого, высказанное им ещё в 1865 году в письме к Фету, что Тургенев поймёт и по достоинству оценит его замечательное произведение – роман-эпопею «Война и мир».
15. Переделка была напечатана в 1890 году в изд. «Посредник» под названием «Гвинплен, или человек, который смеётся. Повесть из средневековой жизни. Сост. Юрьева».
16. Рассказ В. Гюго «Неверующий» напечатан в т. III 2-го издания «Круга чтения» уже после смерти Л.Н. Толстого, в 1912 году.

17. Трудно определить смысл слов: «...но стихи – не могу»: то ли стихи Гюго не по душе Толстому, то ли стихотворная речь Толстому для перевода трудна.
18. Стихотворение Беранже в переводе Фета было напечатано в №1 «Современника» за 1858 год.
19. В VI «Сборнике товарищества «Знание» были помещены стихотворения Скитальца: «Мы плыли с тобою навстречу заре», «От вашей мерзости спасался я в пустыню», «Легенда (по Гейне)», «По Беранже».
20. Как видим, за 49 лет отношение Толстого к этому рассказу Мериме изменилось на противоположное.
21. В это время Л.Н. Толстой напряжённо работал над трактатом «О жизни».
22. Очевидно, Толстой имел в виду батальные сцены в романе «Пармская обитель» и глубокий анализ внутреннего мира героев в них; вообще – художественное новаторство Стендаля в изображении войны (глава о Ватерлоо).
23. Действительно, по выходе в свет романа «Анна Каренина», все критики в один голос определили его главным произведением Л.Н. Толстого, отведя роману-эпопее «Война и мир» второе место. Сейчас, спустя почти 130 лет, историки литературы поменяли местами эти выдающиеся произведения Толстого: «Войну и мир» все называют его «главной книгой».
24. Толстой не мог читать этот роман ранее 1849–1850 годов, когда роман появился в печати. Очевидно, впервые Толстой читал «Давида Копперфильда» в 1852 году в русском переводе («Современник, 1851, №№ 1–9).
25. Из данного списка «Посредником» в дальнейшем были изданы несколько переделок романов Диккенса и Дж. Элиот, а также жизнеописание Франциска Ассизского и впоследствии Савонаролы.
26. Из перечисленных романов Диккенса в «Посреднике» позднее была напечатана лишь обработка романа «Крошка Доррит».
27. Статью о Диккенсе Толстой не написал.
28. К сожалению, никаких мотивировок этой оценки Толстой не оставил, почему и комментировать её невозможно.
29. Вероятно, А.А. Фет имел в виду «идеальное» письмо Толстого в смысле высшей достоверности изображения жизни, а не просто реалистического её копирования. Иначе говоря, Толстой с его «реализмом в высшем смысле» (словами Ф.М. Достоевского) возвышается над обычным реализмом в литературе – ну, скажем, в духе Бальзака.
30. Здесь чувствуется явное увлечение Толстым в этот период теорией «чистого искусства», от которой он впоследствии отошёл, и очень далеко.
31. Замысел осуществления не получил.
32. Толстому были присланы книги Уолта Уитмена «Leaves of Grass» («Листья травы») и «Specimen days and Collect».

33. По позднейшим воспоминаниям Толстого, на Мопассана ему впервые указал Тургенев в 1881 году. Передавая Толстому книжку Мопассана «Maison Tellier» («Дом Телье»), Тургенев сказал ему: «Это молодой французский писатель, посмотрите, недурно; он вас знает и очень ценит».
34. В сборнике «Цветник» рассказ Мопассана напечатан не был.
35. Рассказ был озаглавлен Толстым «У девок».
36. Переводы вошли в трактат «Царство Божие внутри вас».
37. Под заглавием «Сёстры» рассказ был переиздан «Посредником» в 1905 году, под тем же заглавием был перепечатан во втором издании «Круга чтения» (1908).
38. Впоследствии рассказ французского писателя Поля Дежардена о Мопассане передавался Л.Л. Толстым очень неточно. В дневнике В.Ф. Лазурского в записи от 18 июня 1894 года читаем: «Лев Львович передавал о Мопассане слышанное во Франции от Жардена. Жарден прочёл во французском переводе «Смерть Ивана Ильича» и дал прочесть Мопассану. Через некоторое время тот возвращает ему книжку и говорит: «Я вижу, что вся моя деятельность была ни к чему, что все мои десятки томов ничего не стоят». Эта искажённая передача рассказа Дежардена о Мопассане перепечатывалась впоследствии в ряде статей, посвящённых вопросу о мировом значении Толстого» (Н.Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого: 1891–1910. – М.: ГИХЛ, 1960. – С. 127).
39. Рассказ не был включён Толстым в список рассказов Мопассана, намеченных к изданию в «Посреднике».
40. А. Цингер. Ненаписанный рассказ Толстого / Сборник Гос. Толстовского музея. – М.: Гослитиздат, 1937. – С. 143–147.
41. Причины в письме не объясняются.
42. Речь Э. Золя вызвала статью Толстого «Неделание».
43. Приведённые цитаты из Бодлера и Верлена в книге Толстого «Что такое искусство?» и их комментарии явно указывают на негативное отношение Толстого к творчеству этих поэтов-декадентов.
44. В заметке были изложены полемические суждения Метерлинка относительно последних сочинений Толстого, в том числе относительно статьи «О Шекспире и о драме».
45. Здесь опровергнуть Л.Н. Толстого трудно: за «его плечами» «Исповедь» Руссо, «Исповедь» самого Толстого...

БИБЛИОГРАФИЯ

Автобиографические, биографические и мемуарные источники,
касающиеся литературных и эстетических взглядов и оценок
Л.Н. Толстого, использованные в данном пособии

I.

Л.Н. Толстой. Пол. собр. соч. (Юбилейное). В 90 т. – М., 1928–1958. Серия II – «Дневники». – Т. 47–59, 1951–1954; серия III – «Письма». – Т. 60–89, 1949–1957.

II.

Н.Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого: 1828–1890. – М.: ГИХЛ, 1958.

Н.Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого: 1891–1910. – М.: ГИХЛ, 1960.

Н.Н. Гусев. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии. – Кн. 1 (1828–1855). – М.: Наука, 1954.

Н.Н. Гусев. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии. – Кн. 2 (1855–1869). – М.: Наука, 1957.

Н.Н. Гусев. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии. – Кн. 3 (1870–1881). – М.: Наука, 1963.

Н.Н. Гусев. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии. – Кн. 4 (1881–1885). – М.: Наука, 1970.

Л.Д. Опульская. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии. – Кн. 5 (1886–1892). – М.: Наука, 1979.

Л.Д. Опульская. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии. – Кн. 6 (1892–1899). Издание не завершено. – М., 1998.

III.

Д.П. Маковицкий. Яснополянские записки. В 4 т. – М.: Наука, 1979.

IV.

В.Ф. Булгаков. Лев Толстой в последний год его жизни. – М., 1989.

А.Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. – М., 1959.

Н.Н. Гусев. Два года с Л.Н. Толстым. – М., 1973.

А.Ф. Кони. Воспоминания о писателях. – М., 1989.

Т.А. Кузьминская. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. – М., 1986 и Киев, 1987.

А.П. Сергеенко. Рассказы о Л.Н. Толстом: Из воспоминаний П.А. Сергеенко. – М., 1978.

Т.Н. Сухотина-Толстая. Воспоминания. – М., 1981.

Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. – М., 1960, 1978.

А.А. Фет. Воспоминания. В 3 т. – М., 1992.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. Лев. Толстой и зарубежная литература	3
ЧАСТЬ I. ОТ АНТИЧНОСТИ ДО XIX в.	5
ГЛАВА 1. Толстой и греческая литература	5
ГЛАВА 2. Греческая и римская литература эпохи Средиземноморской империи	9
ГЛАВА 3. Средние века и эпоха Возрождения	10
ГЛАВА 4. Зарубежная литература XVII–XVIII ве- ков в восприятии Толстого	26
ЧАСТЬ II. XIX–XX вв.	39
ГЛАВА 5. Зарубежная литература XIX–XX веков в восприятии Толстого	39
ПРИМЕЧАНИЯ	68
БИБЛИОГРАФИЯ	71